

Заговорщик

Автор:

Александр Прозоров

Заговорщик

Александр Дмитриевич Прозоров

Князь #7

В середине далекого XVI века Андрей Зверев решил предвосхитить победы Петра I и укрепить Россию на балтийском побережье: освободить Прибалтику от власти ордена и папских епископов, дать народам свободу, а Руси – доступ к знаменитым портам Лифляндии. Замысел важный, достойный и почетный, хотя ясно, что за его осуществление многим русским ратникам придется заплатить своими жизнями.

Зеркало Белеса предупредило князя, что одним из погибших окажется он сам. Однако судьба не довольствуется простым предсказанием смерти и вынуждает Андрея Зверева, князя Сакульского по праву владения, единолично, во главе всего лишь полусотни холопов, напасть на непобедимую Османскую Империю. Но Андрей не собирается с честью погибнуть в боях. Он твердо намерен победить.

Александр ПРОЗОРОВ

КНЯЗЬ. ЗАГОВОРЩИК

Золотое эхо

В самый канун сочельника, зимой от сотворения мира семь тысяч шестьдесят пятой, не доезжая по Ладожскому озеру семи верст до устья Вьюна, с накатанного зимника свернул к тихим ради праздника корабельным верфям длинный санный обоз. Перед полутора десятками возков дорогу тропили шестеро холопов в полном воинском доспехе, с саблями на боку и щитами у луки седла. Копий и саадаков при них, правда, не было: чай, не в поход ратный шли, всего лишь добро хозяйское обороняли. Следом подвигались двое розвальней, а за ними, запряженный шестеркой цугом, медленно тащился похожий на большую коробку возок, сшитый из плотно пригнанных одна к другой досок. Крышу он имел двускатную, покрытую свинцом; стены, словно бельмами, смотрели по сторонам четырьмя белыми матерчатыми окнами, сзади наружу торчала короткая железная труба, вяло истекающая белесым дымком. Единственную дверцу гордо украшал герб князей Друцких: мечоммечо голубое и красное поля, на каждом – обращенные остриями друг к другу два желтых полумесяца.

По наезженной рыбаками колее обоз медленно выбрался на берег. Там, сопровождаемый злобным собачьим лаем, прополз краем вольготно раскинувшейся деревни в добрых два десятка дворов и двинулся по прямой, как стрела, просеке через лес. На шум из нескольких изб выглянули люди, проводили санный поезд взглядами и, сберегая тепло, тут же спрятались обратно, в теплые горницы, подсвеченные расписными масляными светильниками. Однако безразличие селян оказалось обманчивым. Не прошло и четверти часа, как хрустящие по мерзлому снегу возки обогнал на резвом кауром жеребце вихрастый мальчонка в коротком тулупе, накинутом прямо поверх рубахи.

Короткий зимний день подходил к концу, стремительно сгущались сумерки. Самое время – собрать сани в круг на ближайшей поляне, выпрячь лошадей, развести костры, подкрепиться горячим кулешом и завернуться до утра в овчины или жаркие охабни. Однако путники отчего-то упрямылись и медленно пробирались вперед, следуя за сиротливым факелом, запаленным одним из холопов. Спустя два часа, уже в абсолютной, непроглядной темноте они выбрались из леса, перевалили пологий взгорок и наконец увидели впереди россыпь розоватых прямоугольников – окна совсем уже близких домов. Требовалось последнее усилие: спуститься к самой реке, перебраться через бревенчатый, в два наката мост, потом, повторяя изгиб дороги, немного отклониться к забравшейся на холм деревне Запорожское, но на россохе повернуть вправо, миновать очередную ложбину и забраться к поднявшемуся над высоким берегом княжескому дворцу.

Здесь гостей ждали. Утоптанная до каменной твердости площадь между крыльцом, выстроившимися в ряд тремя стогами и обширной поленницей под дощатым навесом была ярко освещена факелами, вдоль лестницы покачивались слюдяные светильники с восковыми свечами, на ступенях лежала красная ковровая дорожка. Наряженные холопы – в зипунах, суконных шапках и длинных кафтанах, опоясанные широкими кушаками – прохаживались за воротами, готовые помочь с лошадьми и грузом, указать, куда ставить коней, откуда поить и чем кормить, где отдохнуть самим путникам.

Всадники из вежливости спешили за воротами. Двое отдали поводья товарищам, под уздцы завели на двор цуг, волочащий похожее на походный дом сооружение, и остановили его аккуратно возле самых ступеней. Наверху распахнулась дверь, на крыльцо вышел дожидавшийся этого момента в прихожей Андрей.

Глупо, конечно: князь – а, словно пацаненок, у замочной скважины вынужден караулить. Да ничего не поделат, такой уж в здешнем мире этикет. Рано выйдешь – свое достоинство уронишь. Поздно – гостю обида. Вот и приходится подгадывать так, чтобы на разных концах лестницы одновременно с ним оказаться.

Развернув плечи и выставив еще совсем короткую бородку, князь Сакульский замер: в правой руке – посох, на плечах – песцовая московская шуба, на голове – высокая бобровая шапка. Прямо Дед Мороз, а не человек.

Из раскрытой дверцы возка тем временем опустилась на дорожку одна нога, другая. Подхваченный холопами под руки, наружу выбрался боярин, одетый всего лишь в шитую золотом и самоцветами ферязь, в меховой остроконечной шапочке и – большущих безразмерных валенках. Гость поднял голову... И Андрей, прислонив посох к столбу, стремглав слетел по ступеням, забыв про церемонности шестнадцатого века:

– Юрий Семенович! Дядюшка! Боже мой, какими судьбами? Как я рад тебя видеть! Пошли вон, – небрежно отстранил князь чужих холопов и подставил князю Друцкому свое плечо. – Сколько же мы не виделись? Год? Два?

– Дядюшка, дорогой!

Этикет перепутался окончательно. Полина, не дожидаясь приглашения мужа, сама вышла с ковшом горячего, дышащего пряным паром сбитеня, увидела того, кто с детства заменял ей отца, и тоже, забывшись, сбежала к гостю вниз. А теперь не знала, куда деть угощение. К счастью, князь Друцкий не стал дожидаться приглашения, сам забрал у нее корец и быстро осушил, с наслаждением крякнув:

– Эх, соскучился по домашнему! Хорошо... – Он отер бородку, сунул пустую посудину ближнему холопу, обнял Полину и крепко в обе щеки расцеловал: – Здравствуй, доченька. Ой, да до тебя и не дотянуться. Никак опять на сносях?

– Сына к лету ждем, дядюшка. Ой, да что же мы тут стоим? В дом, в дом пойдете. Банька уже часа два как топится, стол накрыт. Подкрепитесь с дороги, да с Божьей помощью и попаритесь до полуночи успеете.

– Спасибо, доченька, за заботу. Да видишь, ноги что-то слушаться не желают. Ослабли совсем, мерзнут все время. Видать, Господь напоминает, что отходил я свой срок по земле грешной. Пора и в иной мир собираться.

– Что ты, дядюшка Юрий Семенович?! – испуганно всплеснула руками Полина. – Как речи такие вести можешь? Тебе еще не один год судьбой отмерен!

– Один, не один, – вздохнул старик, – да уж, как видно, пора.

– Ерунда, – перекинув руку гостя себе через плечо, Андрей стал вместе с ним подниматься по ступеням. – Ныне же в баньке пропарим, жиром медовым натрем, лихоманка и отпустит. Куда ей супротив русского пара устоять?

Первое угощение для путников было довольно скромным: сочиво, кутья, маковое молоко с медом, сыто. Только чтобы червячка с дороги заморить. В баню, известное дело, с набитым брюхом идти тяжело. Никакого в ней при этом удовольствия. И пар душным кажется, и в прорубь прыгнуть не тянет, и с полка вставать лениво.

– Вы покамест согрейтесь, – проводил гостя вместе с холопами до дверей Андрей. – А я, не обессудьте, чуть позднее подойду. Мазь обещанную на медвежьем жиру в погребе отыскать надобно. Забыл уж, куда сунул. Осенью снедью заставили.

– Не беспокойся, Андрей Васильевич, – отмахнулся князь Друцкий. – И лекари, и знахари разными зельями уж всего перемазали. Нет с этого никакого толку. Христианину честному смерти страшиться ни к чему. Я хоть ныне же причаститься готов.

– Нет уж, нет уж, Юрий Семенович, – снял седую волосину с ворота ферязи Зверев. – Обещал, так обещал.

В дверях он поддержал гостя под локоть, а когда за холопами затворилась тяжелая створка, щелкнул пальцами:

– Пахома ко мне, немедля! – И поднес к глазам добытый у беспечного смертного волосок.

Мазь у Андрея находилась всегда в одном и том же месте – в погребе над притолокой. Там, где снадобья дворня даже случайно не побьет. Обычный густой жир, куда при нужде можно и взвара травяного добавить, и настойки, и горчицы, и дегтя, и календулы – смотря от чего лечить надобно. Зачерпнув немного состава в плошку, Зверев сразу сыпанул щепоть горчицы – для притока крови к больным местам, капнул ромашкового масла – для укрепления кожи, чистотела – для того же, вышел во двор, снял с держателя факел, опустил княжий волос на коновязь, провел сверху пламенем, сдул тонкую полоску пепла на жир, после чего отправился в коровник. Место не самое красивое – но что поделать, коли, кроме как в теплом скотном сарае, живой земли зимой не сыскать? А для лечебного заговора поклониться следовало сразу трем властителям жизни: Хорсу, Триглаве и Сварогу. Триглаву же из мерзлой земли не выкликать.

Поклонившись огню, земле и небу, запросив у них силу для доброго дела, Зверев принялся размешивать мазь пальцем, мысленно, как учил Лютобор, разматывая через него в состав серебряную нить из своего живота и мерно наговаривая: «На море-океане, на острове Буяне упыри волос-волосатик оживляли, на людей пущали. Вышел волос в колос, начал суставы ломати, жилы прожигати, кости просверляти, рабу Божью (имя матери) иссушати. А я тебя, волос-волосатик, заклинаю, словом крепким наставляю: иди ты, волос-волосатик, к острову Буяну, к Латырю камню, где живые люди не ходят, живые не бродят; сядь на свое место – к упырям лихим в кресло. Покорись моему приказу, заговору-наказу, нет тебе места ни в этом мире, ни в чужом, ни в зеркальном, ни в видимом, ни в

невидимом, ни в живом, ни в мертвом, отныне, присно и во веки веков. Аминь».

– Ты здесь, княже? – постучался в ворота Пахом. Голос своего воспитателя Андрей не мог не узнать.

– Здесь, – кивнул Зверев. – Заходи, дядька, от тебя у меня секретов нет.

– Опять чародействуешь, Андрей Васильевич, – укоризненно покачал головой верный холоп. – Грех на душу берешь.

Рука его несколько раз поднималась, дабы сотворить крестное знамение – но делать это в коровнике Пахом почему-то не решался.

– Разве же это грех – от лихomanки православного человека излечить? – подмигнул ему князь. – рог милостив, такие грехи он нам простит. Ты принес, или сейчас побежишь?

– Да уж догадался, Андрей Васильевич, как хворь князя Друцкого разглядел, – вздохнул холоп и все-таки перекрестился. – Сразу за живой водой и пошел.

Он опустил у стены кожаный бурдюк.

Жидкость, хранившаяся в ней, была настоящей драгоценностью. Ведь для исцеления воду надобно брать из трех разных источников, зачерпывать после поста и молитвы с присказкой: «Царица речная, дай воды живой на леготу, на чистоту, на здоровье», – и более сим источником для лечения не пользоваться. Лютобор пояснял, что силу воды берегиня человеку лишь раз дает, дабы чистоту не потерять. Без силы – как себя самого потом убережешь? Вот и скупится. Может, это и правильно – да только где столько источников в поместье наберешь, коли хворые каждую неделю за помощью являются? У кого ребенок при смерти, у кого кормилец, у кого матушка. Разве откажешь? Вот и приходится набирать сразу, сколько сил снести хватит, а потом делить меж людьми чуть ли не по капельке.

– Давай. – Андрей поставил на пол крынку, закрыл горлышко скрещенными лезвиями ножей. Пахом, выдернув пробку бурдюка, пустил аккуратную струйку точно в перекрестье – сталь отпугивала бесов и нежить, коли те смогли

забраться в сосуд. Для укрепления же целебной силы князь быстро нашептал завершающий наговор: – Матушка-вода, обмываешь берега, желты пески, бел-горюч камень. Унеси все хитки и притки, уроки и призоры, щипоты и ломоты, зубу и худобу, черный глаз, темное слово, худую думу. Унеси, матушка-вода, золотой струей в чисто поле, зимнее море, за топучие грязи, за зыбучие пески, за осиновый тын. Слово мое крепко, дело мое лепко. Аминь».

Зверев осенил себя знамением – не ради заговора, а для успокоения холопа, опасавшегося чародейства и чернокнижия. Раз крестится – значит, православие не отринул и безбожия в творимых чарах нет.

– Спасибо, Пахом Можешь прятать. – Он отер клинки о рукав, спрятал в ножны. – А я в баню пойду. Времени уже много, как бы полночь не застать.

В парилке густо пахло хлебом. Любимая женушка на стол пива подавать не стала – пост все-таки, – а вот для бани не пожалела. Пивной пар, знамо дело, самый ядреный и лечебный, кожу очищает и от хрипоты с кашлем спасает.

Холопы Друцкого вид имели весьма соловый. Видать, про Великий пост в дороге подзабыли, и хмельной напиток употребили не только на каменку. Бочонок на пятерых – доза не убийственная, но вполне заметная.

– Хватит с вас, добры молодцы, – скомандовал им Зверев. – Оставьте меня с князем наедине.

– Никак, принес все же снадобье свое? – кряхтя, поднялся гость. – Не дадут старику помереть спокойно.

– Ты еще всех нас переживешь, Юрий Семенович, – отрезал Андрей. – Давай-ка, чуть выше тебя подниму, на второй полок. Нам ведь чем теплее, тем лучше.

Князь Друцкий и вправду выглядел не лучшим образом. И без того никогда не страдавший излишней полнотой, ныне он и вовсе иссох: щеки провалились, нос заострился, кожа стала дряблой и морщинистой, мокрая седая бороденка слиплась и превратилась в подобие растрепанной бечевки. Мышцы на ногах почти исчезли – только кости да жилы остались. Не мудрено, что удержать тяжелые зимние одеяния такие конечности не могли. Тело-то у старика было легоньким, раза в два легче шубы.

– Сейчас, освежу, – пробормотал Андрей, выливая наговоренную воду в шайку, добавил кипятка и плеснул на старика, тут же подсунув под него деревянный тазик: хоть немного смывой воды полагалось выплеснуть на перекрестке дорог: чтобы лихоманка в иные края уходила. Затем он быстрыми, уверенными движениями втер мазь немного выше и ниже колена, ополоснул руки: – Все, Юрий Семенович, готово. Смыть зелье не нужно, пусть впитается.

– Коли не надо, так и не стану, – не стал спорить князь, сел на полке, глубоко вдохнул: – А ведь согрелся я в бане, твоя правда. Однако же валенки все ж одену, не обессудь. Боязно холод обратно в кости пропустить. Тяжко он выгоняется, тяжело. Совсем замучил, покуда я до княжества твоего добрался.

– Не бойся, Юрий Семенович, у меня не замерзнешь. Сейчас ради праздника согревающего чего за столом выпьешь – и вовсе любая хворь пропадет. Одевайся, княже, и пойдем. На пустое брюхо лечиться – только снадобья зря переводить.

В трапезной дворня уж заждалась. Без хозяина садиться за стол никто не смел, и все толкались вдоль стен и в коридоре: холопы, в сече проливающие кровь бок о бок с князем, а потому достойные разделить княжескую трапезу, княгиня и ее доверенные ключницы, няньки и приживалки. Обычные смерды уж давно сидели на кухне за угощением – а самые близкие к хозяину слуги, получалось, маялись от голода.

Андрей, решительно пройдя вдоль ряда склоненных голов, занял место во главе стола, приветил гостя, указав место одесную от себя, затем ошуюю, ближе к сердцу, посадил на законное место Полину. Прочие сотрапезники засуетились, тоже усаживаясь. Холопы Друцкого – возле господина, приживалки – слева от княгини. Воины самого Андрея на этот раз оказались отделены от князя нешироким проходом – сидели за отдельным столом напротив него.

– Ну что, откушаем, чем Бог послал? – потер ладони Зверев и тут же получил от жены толчок локтем под ребра.

– Ты чего, батюшка? – округлила глаза Полина. – А молитву?

– Давай в другой раз, – тихо предложил Андрей. – Гости слюной захлебнутся.

– Читай молитву! – решительно потребовала супруга и округлила глаза еще сильнее. – Не позорься перед людьми.

Она перекрестилась, сложила ладони перед лицом и потупила взор. Князь Сакульский, смирившись, последовал ее примеру.

– Отче наш, Иже еси на небесех! – тихо забормотала женщина.

– Отче наш, Иже еси... – громко повторил за ней Андрей.

– Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нар от лукавого. Очи всех на Тя, Господи, уповают, и Ты даеши им пищу во благовремении, отверзаеши Ты щедрую руку Твою и исполнявши всякое животное благоволения...

– Аминь! – уже без подсказки закончил Зверев. – Угощайтесь, гости дорогие, чем Бог нас ныне порадовал. Полинушка, за здоровье гостей не мешало бы и бокалы поднять.

– Как у тебя язык поворачивается, батюшка?! – испуганно перекрестилась жена. – Пост же Рождественский! Нечто одного дня с баловством хмельным не перетерпеть?! Одно токмо на уме!

– Они же с дороги, Полюшка. Им поста можно не соблюдать.

– Ужо прибыли, – решительно отрезала жена. – Так ведь, батюшка?

– Верно, Поленька, верно, – послушно кивнул князь Друцкий. – Пост есть пост. От заветов христовых нам отступать невмочно.

– Да, – успокоенная поддержкой родича, гордо глянула на мужа Полина. – Законы Божии в нашем доме завсегда нерушимы будут!

Зверев смирился и стал складывать себе на блюдо угощение со скудного постного стола: немного печеной форели и белорыбицы, заливное из судака,

вместо вина плеснул в кубок чуть желтоватого сыта, взял пару пресных лепешек, пропитанных миндальным молоком. На сладкое его не тянуло, а потому кашами с медом и изюмом он оставил баловаться дворне. Немного перекусив, повернулся к гостю:

– Так и не спросил, дядюшка: как ныне дела в княжестве твоём, как здоровье супруги и сына, не доходили ли к вам вести от батюшки моего из Лисьино? Федор, вижу, не приехал. Давно я его уже не видел. Как он?

– В хлопотах Федя по хозяйству мается, – улыбнулся Юрий Семенович. – Мне уж к царю небесному вскорости отправляться, вот на него ныне дела княжеские я и свалил. Пусть вникает, куда есть у кого совета спросить. Коли меня отпоют, кто же в трудный час подсказку даст? Невесту мы ему присмотрели, Марфу из бояр Кокоревых. Род небогатый, но древний. Тимофей Кокорев ныне в опричную тысячу царскую записан. А девка собой ладная, крепка да румяна. Видел о прошлой Пасхе, к причастию в Софийском соборе ходила Коли сладится, глядишь, вскорости внуков мне принесут.

– Федор-то невесту уже видел? – задал наивный вопрос Андрей.

– Некогда ему, княже, – небрежно отмахнулся Друцкий. – Служба царская из двух лет на третье к себе зовет, дела хозяйские я на него скинул, да еще охоту с иным баловством никогда не забывает. Куда уж ему по чужим городам на смотрины кататься?

«Ну да, само собой, – мысленно усмехнулся Зверев. – Разве можно двадцатилетнему мальчишке доверить такое важное дело, как выбор будущей жены? Когда дело до венчания дойдет, там невесту и покажут».

Андрея и самого нынешние, из шестнадцатого века, родители женили точно так же. Главным достоинством Полины стало то, что она смогла разрешить давнюю земельную тяжбу бояр Лисьиных и принесла Звереву княжеский титул. Чего еще от невесты надобно? И ведь что интересно – никакой ущербности Андрей от такой судьбы не испытывал. Скорее, наоборот...

Он опустил руку, нащупал колено жены, легонько сжал. Полина, не поворачивая головы, улыбнулась, ни миг склонила голову и коснулась его плеча.

Нет, обычаи здешнего времени любви отнюдь не отменяли. Но любовь – это когда на сеновал девку затаскиваешь, сводню в чужой дом подсылаешь, в окно лазишь... А брак – дело серьезное, тут не до баловства.

– Приданое хорошее дают? – поинтересовался Зверев.

– Ну, какое с Кокоревых приданое? – пожал плечами гость. – Сколько ни наберут, для нашего рода все невелик прибыток. Вот хворых у них в роду уж пять поколений не было – это славно. Такую кровь ни за какое золото не купишь.

– Великое дело – кровь, – согласился Андрей.

Гость покосился на него с подозрением, но ничего не сказал, подцепил ножом немного кутьи, отправил в рот. Зверев тоже вернулся к трапезе, быстро расправляясь с рассыпчатой печеной белорыбицей. Едва его тарелка опустела, как князь словно бы спохватился – даже ладошкой по столу прихлопнул:

– А видел ли ты обретение мое недавнее, княже? Сию карету хитрую мне мастера торжковские по уговору за два месяца отстроили, печь особую пушкари монастыря Заиконоспасского отливали.

– Прости, Юрий Семенович, не успел, – развел руками Зверев.

– Так идем же, покажу, – поднялся князь Друцкий. – А ты, доченька, вели опочивальню мне приготовить. Притомился я в дороге, вечерню стоять не готов.

– Да, дядюшка, не беспокойся, – встала Полина. Следом, естественно, повскакала и дворня.

– Пахом, за старшего, – повысил голос Андрей. – Сочельник сегодня, позволяю пировать, пока стол не опустеет. Сам гостя дорогого проводить желаю.

Люди облегченно вздохнули и с радостью вернулись к еде. Зверев снял со стены один из светильников и пошел вперед, указывая дорогу впервые приехавшему в гости князю Друцкому. В медлительном обозе, по зимнику, короткими зимними днями от княжества до княжества никак не меньше месяца утомительного пути. Уж, наверно, не ради того, чтобы подарки к Рождеству привезти, Юрий

Семенович на такое испытание решился, не из любопытства и не из желания навестить племянницу. Нужно побеседовать с гостем наедине. Тогда, глядишь, все и откроется.

Князя вышли на крыльцо, спустились к тихому и темному возку, замершему без лошадей и уже покрытому серебристой изморозью. Старик, тяжело переставляя валенки, обошел его кругом, достал длинный, с переломом посередине ключ, отпер дверцу, пропустил Андрея внутрь и, шагнув следом, опустил толстый, чуть не в ладонь, войлочный полог.

– Здесь посвети, Андрей Васильевич, свечу достану, – завозился он у темного резного шкафчика, повернулся, запалил от масляного светильника тонкую, с мизинец, свечу, прошел из угла в угол, запаливая настенные канделябры. Скромная комнатка примерно три на шесть метров наполнилась светом. Друцкий дунул на ненужный больше огонек, покачал головой: – Ты глянь, княже, хожу. И вправду хожу. Ох, чую, не зря про тебя слухи бродят, что с чернокнижием ты балуешь и в чародействе никем не превзойден. Ведь и иноземные знахари меня лечить брались, и персидские лекари, и наши коновалы. Ничто не помогало. А ты, вон, раз по коленям мазнул, да немочь и сбежала.

– Ерунда, пустяки, – отмахнулся Зверев. – Знаю я этих иноземцев. Только кровь умеют пускать да мышьяком травить. Без яду снадобье составил, вот боль и отпустила.

Князь Друцкий и не ведал, насколько был близок в своих подозрениях. Исполняя давнюю клятву, примерно каждую третью ночь вынужденного безделья Зверев посвящал занятиям с Лютобором. Пусть на расстоянии, через сон – но уроки все равно шли на пользу. Правда, и в реальности нору древнего чародея он пять раз навестил. И тоже не без пользы.

– Ну, коли мы в доме походном, – пропустил ответ мимо ушей князь Друцкий, – так и законы здесь у нас походные...

Он поднял крышку сундука, выставил на столик из тонких реек два кубка, большой серебряный кувшин и накрытое крышкой блюдо. Приподнял палец, спохватившись, пересек завешанную коврами комнату, открыл дверцу украшенной львиными мордами буржуйки.

– Славно, угольки еще есть, – из ближней корзины он кинул в топку пяток тонких поленьев, притворил створку, оглянулся на Зверева.

– Неужели это печь, княже?! – притворно изумился Андрей. – Неужто из стали скована?!

– Из чугуна отлита пушкарями опытными по их секрету. Придумал же сие я. Намучился за годы с жаровнями-то, а тут как-то ночью вдруг и подумал: а отчего мне печь малую по примеру больших не сделать?

На самом деле князю Юрий Семеновичу было чем гордиться. Ведь железо в здешнем мире было столь дорого, что ковать из него печки было роскошью на уровне прикуривания от ассигнаций. Посему даже императоры и ханы в походах или разводили в шатрах костры, или ставили в палатках жаровни. Додуматься отлить печь из чугуна – это был настоящий прорыв! Вот только зритель князю Друцкому попался неблагоприятный. Для выходца из двадцать первого века «буржуйка* казалась такой же дешевкой, как обитателю шестнадцатого века – шуба из горносталя.[1 - На Руси горносталя считался «крестьянским мехом»: ворс имеет короткий и малопушистый, в носке он не прочен, быстро желтеет – причем бороться с этой неприятностью модницы не научились до сих пор. В общем – дешевка.]

– И как греет? – чтобы не показаться зазнавшимся невеждой, поинтересовался Андрей. – Думаю, раз стенки тонкие, то ведь остывать должна быстро.

– Зато и согревается чуть не в минуту! – горячо парировал Юрий Семенович. – Коли углей много нагорит, так без опаски в любой мороз греться можно. Не выпадут, пожара не устроят, жарко круглый день. Ну, а прогорят, так завсегда еще подбросить можно...

Об этом Зверев как-то не подумал. По сравнению с жаровней – и правда ведь гениально! А что остывает быстро – всегда можно использовать «автозагрузку» в виде дежурного холопа. И Андрей уже искренне восхитился:

– Великолепно! Такую же хочу.

– Тебе-то зачем, Андрей Васильевич? – разлил вино князь Друцкий и снял с блюда крышку, под которой оказалась уже нарезанная запеченная телятина. –

Ты ведь сани за собой не потащишь, ты верхом поскачешь. Эх, где она ныне, моя молодость...

– Нечто так часто путешествовать приходится, Юрий Семенович? – Зверев сел на сундук возле стола.

– Да уж покатался в последние годы, Андрей Васильевич... – Друцкий опустился в накрытое накидкой из рыси кресло, поднял бокал: – За встречу, да принесет она нам удачу.

– За встречу, – кивнул Зверев и пригубил кубок. Вино было терпким и совсем не сладким, похожим на испанское. В густой красноте трепетали отблески свечей.

– Я-то путешествую, – сделав пару глотков, отставил кубок гость, – а вот ты что-то дома засиделся, Андрей Васильевич. Откуда смирение такое в юные годы?

– Почему засиделся? – пожал плечами Зверев. – В Москву мы с Полиной выезжаем, к отцу заглядывали, места святые на Валааме посетили.

– В Москве бывал, а ко двору царскому не явился ни разу, – ухватился за слова Андрея князь Друцкий. – Сие есть неуважение великое. Мыслишь, неведомо государю, что ты милостями его брезгуешь? За содержанием денежным в Разрядный приказ ни разу не заглянул. Ладно, батюшка твой, боярин Василий за тебя серебро забирает. Однако же о небрежении сем царю непременно доносят. Ты, видно, гнева великокняжеского ищешь, ссоры с помазанником божьим?

– Плевать! – Князь Сакульский опрокинул кубок и разом опустошил его почти наполовину. – Плевать я хотел и на гнев его, и на милости. Не появлюсь в гадюшнике этом ни за какие коврижки. Что это за царь, который трон свой предателями и ворами окружает? Князь Курбский – подонок и предатель, на ляхов за деньги шпионит., На колу его место, а не в воеводах русских. Сильвестр с Адашевым в час болезни Иоанну изменили открыто, к Старицкому перебежали, крест ему на верность целовали и на трон затащить пытались. Их что – повесили, утопили, голову отрубили? Хрена там лысого! Как сидели в царских писарях у трона, так и сидят! Сам Старицкий и мамаша его, что золото боярам в Кремле раздавали и к свержению Иоанна звали, – где сейчас? На каторге, в монастыре, в ссылке? Фигушки, в свите царской они веселятся. Меня же, который заговор* смертельный разрушил, Иоанн вместо благодарности в

колдовстве обвинил! И ладно сам взъерепенился – так ведь он с сына Дмитрия чар не позволил снять. Теперь сын его умер, царица наверняка хвора, отравители и изменники в любимчиках ходят, а все мы, кто в смертный миг на помощь к нему примчались – к чертям собачьим разогнаны! Да пропади он пропадом, правитель такой ненормальный! Не стану я его шкуру больше спасать, надоело.

– Государь милостив, Андрей Васильевич, и умеет прощать оступившихся, – осторожно возразил Друцкий.

– Юродивый на паперти пусть грешников прощает, – опять отхлебнул вина Зверев. – А царь измену должен карать, чтобы страну не разъедала. Измену – выкорчевывать, верность – возвеличивать! Такая его должность. А Иоанн, книжный червь, руки замарать боится, чистоплюй! Попомни мое слово, Юрий Семенович, за его великодушие народу потом не раз кровью платить придется.

– Надеюсь, про мысли сии ты боле никому не сказывал? – кашлянул гость. – Времена ныне такие, иной друг и соглядатаем оказаться может.

– Говорил, – хмыкнул Зверев. – Царю в глаза прямо и сказывал. Так что доносить ни к чему, он про меня все знает, не обольщается.

– Вспоминает он тебя, сказывают, – задумчиво провел пальцем по окружности кубка князь Друцкий. – Как азбуку приходскую отпечатали, поминал, как хор в консерватории первый раз запел. Полки стрелецкие повелел твоим обычаем обучать. Там именем твоим учение и нарек. Мыслью, зла он на тебя не держит...

– Еще бы он зло на меня держал! Ничего наш царь ни на кого не держит – ни зла, ни благодарности. Нюня мягкотелая.

– Вижу, это не он тебя, а ты его с глаз долой отослал! – улыбнулся Юрий Семенович. – Может, помилуешь все же властелина нашего? Как-никак, правитель всея Руси, наследник древних кровей.

– Да мне и так хорошо. Я здесь, дома, с семьей. Вижу, как дочки растут, за хозяйством приглядываю, промыслы новые затеваю. Холопы мои после походов прежних исцелились все, за четыре года мы с Пахомом их так умению воинскому натаскали, каждый четырех стоит. Все в походах крещение огнем пройти

успели, храбрость выказали. Ни один не дрогнет, не ослушается.

Семьдесят душ – а рать в три-четыре сотни одолеют запросто. С чего бы мне уклад привычный из-за какого-то там царя менять?

Про уроки чародейства Андрей благоразумно умолчал.

– Экий ты стал... Домосед, – покачал головой гость. – От роду всего четверть века, а задеревенел, ровно дуб вековой. Не скучно?

Андрей молча допил вино, поставил кубок на стол, отодвинул:

– Ты у нас в роду за всех путешествуешь, Юрий Семенович. Чего самому время терять, коли тебя обо всем расспросить можно? Где бывал, княже, чего видел, чем земля полнится, что нового округ случилось?

– Много чего, Андрей Васильевич, ой, много... – Князь Друцкий откинулся на спинку кресла и таинственно улыбнулся. – Помнишь, сынок, как мы с тобой проклятое золото на запад из мест наших увезли? Славное было приключение, недолгое, но прибыльное.

– Хорошо прокатились, – признал Зверев. – Не без этого.

– Хорошо, – согласился гость. – Король шведский Кристиан, коему часть золота досталась, низвергнут, заключен под стражу, а королевство его ныне рассыпалось. Бургомистр Любека Вулленвевер, получивший другую часть, четвертован, мой ростовщик убит грабителями, епископ тронулся умом и начал торговать церковными землями, рыцари-крестоносцы лифляндские вслед за ним веру христианскую отринули, замки ордынские себе присваивают, обет celibата нарушают, в домах своих девок гулящих селят, а иные и вовсе жен берут. Биться за веру папскую и клятвы свои никто не желает, еретиков везде привечают, словно друзей дорогих. Полный развал и разброд, власти нет никакой, везде, куда ни глянь – разгул и шатания. Смотрю я на сие, и страхом сердце наполняется; а ну, и ко мне золотой какой из тех денег вернется. Что скажешь, Андрей Васильевич, надобно сего бояться? Ты ведь чародей известный. Кому, как не тебе, о том знать?

– Проклятие, проклятие... – задумался Зверев. – Мыслью, бессмертными быть они никак не могут. Иначе одно злое слово всю землю могло бы отравить. Теряют они силу, раз за разом судьбы ломая, когда из рук в руки переходят. Белурга я истребить не смог, однако же прочь из земель наших прогнал, затаиться заставил. Если повезло, он где-то в Москве между линиями заговоренными навечно заперт. Посему свои заклятия подправить и усилить снова не может. Нет, Юрий Семенович, не беспокойся напрасно. Золото лифляндское в руки брать можно без опаски. Растрепало оно за годы свою злобу, вредить более не должно.

– Точно сказываешь?

– Точно, – качнул головой Андрей и скромно добавил: – Хотя я бы все равно не рисковал.

Князь Друцкий рассмеялся и долил в бокалы вино:

– Да и пес с ним, с золотом. Пусть там остается. Я ведь не о нем речь завел. Я о земле нашей хочу перемолвиться. Не в золоте ведь богатство боярское меряется, а в земле, да в людях...

Гость запнулся, словно ожидая ответа, и Андрей согласно кивнул.

– А в землях наших беда одна общая, княже, – горестно вздохнул старик. – Слишком близко мы с порубежьем живем. Да еще аккурат на тракте от Режицы[2 - Режица – ныне город Резекне.] на Луки Великие поместья наши лежат. Что ни свара с Литвой али с орденом – аккурат через нас рати на Русь прокатываются. Просто беда. Земля – она ведь не кошель, ее к Новагороду али к Вологде не унесешь.

Зверев снова кивнул, пока не понимая, к чему клонит гость.

– Вот и мыслью я, – ласково, двумя руками погладил свой кубок Юрий Семенович. – Коли земли наши никуда убрать нельзя – так, может, нам тогда порубежье от поместий отодвинуть? Помысли, княже, сколь многих достатков от сего у нас появится! Коли порубежье окажется далече, то смерды новые у нас куда охотнее селиться станут, старые уезжать не захотят. Разору меньше будет – то любой поймет сразу. А коли так, то и цена поместьям враз подрастет

немало. Может статья, и вдвое вырастет, и втрое.

Андрей молчал, с трудом переваривая услышанное, а Друцкий наклонился вперед и шепотом, заговорщицки продолжил:

– Мало того, что нынешние земли подорожают. Мы ведь у иных бояр окрестных кое-что сейчас прикупить можем, а опосля продать втрое. Епископы и рыцари добро свое спускают, а мы подобрать можем задешево. У меня на примете у Владимиреца, у Ругодива, у Колываня[3 - Владимирец – ныне город Валмиера, Ругодив – Нарва, Колывань – Таллин.] угоды продажные имеются. Что они ныне? Мусор никчемный, дешевка, хлам. Но коли Лифляндия русской окраиной станет, то и цена земле прибалтийской сам-пять подскочит. Русь – это ведь закон, порядок, покой, защита от бесчинств всяческих. От земли в пределах русских ни один хозяин али дворянин не откажется.

– Доходная получится сделка, – почесал в затылке Зверев. – Вот только как они окажутся этой самой «окраиной»? Нечто прибалтам опять в состав России захотелось?

– Как обычно, – повел бровью князь Друцкий. – Прийти туда надобно и занять.

– Чем занять? – все еще не понимал Андрей. – У меня всего семь десятков бойцов ныне в строю, у тебя, ведаю, вдвое больше наберется. Двести пятьдесят ратников. Ну, три сотни можно наскрести. Что такое три сотни даже для крохотного Дерптского епископства? Растворятся в просторе, никто и не заметит!

– Значит, надобно не нам вдвоем Лифляндию воевать, – невозмутимо согласился Юрий Семенович. – Надобно взор государев в сию сторону обратить.

– Ничего себе, – присвистнул Зверев. – Так ты, дядюшка, решил войну России и Ливонского ордена начать?

– Какая война, помилуй? – небрежно отмахнулся старик. – Нет боле никакого ордена. Сгинул, растворился, бледная тень былых героев токмо и осталась. Виндавыот Ругодива до Вйндавы[4 - Виндава – ныне город Венспилс.] и пальцем не шевельнет, дабы чужаков остановить. Нет ныне в них духа воинского, выродился, ровно в старых евнухах. Верно тебе сказываю, Андрей Васильевич,

нынешним летом токмо к родичам плавал.

– Кровь детей боярских лить за наш с тобой прибыток, дядюшка? А хорошо ли это будет? Как Господу на Страшном суде о сем грехе рассказывать станем.

– О том и скажем, что ради славы государя нашего и имени русского старались, – моментально ответил гость, явно готовый к этому вопросу. – Рази не славно получится Руси нашей новыми землями прирасти? Нам с тобой прибыток малый получится, царству Московскому – куда как изряднее. Точно я тебе говорю, не сомневайся. Страны лифляндские ныне гнилому яблоку подобны. Сами в руки упадут, коли кто ладони подставить догадается. Не будет там крови никакой, вот те крест! – размахисто осенил себя знамением Юрий Семенович. – Оттого я и беспокоюсь, что каждый день ныне на счету. А ну, ляхи али шведы о том же пронюхают? Тогда уж не нам, а им вся добыча, все земли и люди достанутся. О сем варианте ты, Андрей Васильевич, не думаешь? Брать нужно Лифляндию, забирать в казну ныне же!

Зверев молчал, забыв о вине и мясе, в голове стремительно проскакивали мысли, сталкиваясь, путаясь и противореча друг другу. С одной стороны – в войне он ничего хорошего не видел, с другой – школьный курс о деяниях Петра Великого настойчиво напоминал о важности выхода России к Балтийскому морю, обретения портов в Прибалтике, открытии новых торговых путей. С третьей – он понимал, что кровь прольется, не бывает побед без крови. С четвертой – дарить Прибалтику Польше или Швеции было действительно глупо, новые земли вполне могли окупить принесенные жертвы. С пятой... С пятой стороны он не понимал, почему со своей идеей князь Друцкий отправился не в Кремль, в царские палаты, а к нему, полузабытому отшельнику, на далекую дикую окраину?

– Я бы и сам раздумья сии государю предложил, – словно подслушал его мысли князь Друцкий, – да токмо не вхож я к Иоанну Васильевичу. Не делится он со мною своими помыслами, не вспоминает имени моего в радостный час, и не спасал я его от неминуемой смерти уж, почитай, четыре раза. Еще отец мой литовскому князю верой и правдой служил, да и я до отъезда к Москве успел меч во славу отчины не раз обнажить. Государь же наш бояр исконных превыше самых знатных иноземцев ставит. Ты, Андрей Васильевич, урожденный Лисьин – я из рода Гедеминичей. Твой дед и прадед Москве всю жизнь служили – я лишь первым из рода руку Рюриковичей над собой признал. Не выслужили еще доверия князья Друцкие при царском дворе.

– Ныне при дворе иные герои бал правят, – покачал головой Зверев. – Адашевы, Сильвестры, Шуйские и Старицкие. Из честных людей разве только Кошкин да Шаховской остались. К ним надобно за помощью обращаться.

– Честные они али нет, – развел руками Друцкий, – однако же никто из них не приходится мне родственником.

Андрей молча взял кубок, отпил. Наколот на нож кусочек сочной холодной убоины. Вздохнул:

– Это верно, дядюшка, с чужими о таких делах не поговоришь. Но мне тоже глупо выглядеть пред людьми не хочется. Что я скажу? Здравствуй, Ваня, мы наемни поссорились и не виделись четыре года, но я тут подумал: а не устроить ли нам войну в Прибалтике? Айда завтра же драку с соседями затеем!

– Верно, верно, – неожиданно легко согласился Юрий Семенович. – Так просто беседы столь важные не начинаются, и бояр на дело ратное, кровавое из-за каприза послать будет непросто. Говорить об этом надобно в момент подходящий, а не абы как, сказывать должен человек, к коему доверие у государя имеется, и повод для дела нужен честный, к коему никто не придерется, в упрек потом правителю нашему не поставит. Момент нужный настанет через два месяца. Перемирие прежнее с орденом Ливонским ныне заканчивается, и посольство от магистра аккурат после Рождества должно в Москву отправиться – новое уложение мирное составлять. Ты, Андрей Васильевич, с государем, может, и в ссоре, однако же слову твоему он доверяет. А коли и не поверит, так хоть выслушает. Нам большего и не надобно, ибо не уговаривать ты Иоанна Васильевича станешь, а тайну ему откроешь древнюю. Тайну, о которой многие бояре за давностью лет успели подзабыть...

Князь Друцкий замолчал, словно задумавшись. И Андрей, мучимый любопытством, кашлянул:

– Какую тайну, дядюшка? Ливонцы готовят какой-нибудь заговор?

– Заговор? – вскинул брови старик. – Нет, что ты! Кому там ныне буяннить? Тайна, о коей расскажу, вроде и не прячется ни от кого. Просто утонула она в архивах и бумагах государевых, оттого никто о ней уж и не вспоминает.

В этот раз Андрей удержался от вопросов, предпочел мелкими глоточками пить красное вино. Юрий Семенович заговорил сам:

– Началась сия история во времена давние, позабытые. Когда князья наши определялись правом лествичным, когда Москва еще не была стольным городом и когда схизматики и паписты еще оставались истинными христианами и от лона православной церкви не отделились. В те годы задумали кавалеры европейские отобрать от безбожных сарацин Святые места. Несколько раз ходили они в долгие и кровопролитные походы, однако же цели своей добились, водрузили крест над могилой Иисуса, Господа нашего, и над землями, по коим ступали ноги Его, над коими разносились Его проповеди. Долго длились те годы, да не вечно. Видать, прогневали чем-то воины христовы Всевышнего, отвернул он взгляд свой от воинов-крестоносцев, и стали они от сарацин нести поражение за поражением, пока и не были сброшены в тамошнее море. Стали они, несчастные, скитальцами бездомными, ибо в родных местах о них успели все позабыть, а Иерусалим, ставший их новым домом, сделался для них отныне чужим...

Князь Друцкий вдруг закашлялся, промочил горло глотком вина и продолжил:

– Долго ли, коротко ли скитались храбрые крестоносцы по свету, но пришли они в один из дней ко двору христианнейшего правителя нашего, великого князя владимирского Всеволода Большое Гнездо. Поклонились они князю, посетовали на судьбу свою горькую и принесли верную клятву служить Всеволоду и детям его до скончания веков, коли даст им великий князь хоть малый угол, где они смогут преклонить головы, расседлать коней и поставить церкви для вознесения молитв. Пожалел их русский князь и отвел для пропитания самые дальние от Киев-града земли, на стороне северной, у западного порубежья. Дабы здесь они жили в покое, но и службу обещанную несли, Русь от набегов литовских и польских оберегая. Ну, и оброк, как положено, в казну княжескую с удела платили. Много с тех пор утекло веков. Почитай, ужю пять столетий прошло, словно один день. Когда кавалеры-крестоносцы службу несли честно, когда забывали, иной раз и на господ своих, князей русских, меч поднимали – всякое случалось. Но вот чего они никогда не любили, так это серебро в казну княжескую возить. Киев далеко, времена смутные, князь с дружиной не доедет, да тиуна с мытарями за столько верст особо не пошлешь. Вот и ховали себе в сундуки дань-то положенную.

– Жулье, – хмыкнул Андрей. – Все они, крестоносцы, такие.

– Но не всегда им это с рук сходило, сынок. – Губы старика растянулись в усмешке. – Дед государя нашего, Иоанна, Иоанн Третий Васильевич пятьдесят четыре года тому осерчал, собрал рать свою и пошел на орден, побил его крепко, виру за грех этот с них взял и отдельно разрядную грамоту составил, сколько серебра за душу кавалеры ливонские тягло обязаны платить. С обычаем древним ни епископы тамошние, ни магистр спорить не посмели и на грамоте сей расписались. И даже платить начали... Поначалу... Пять лет платили тягло исправно, а потом, как водится, забывать начали. Великий князь Иоанн тогда как раз преставился, не до кавалеров в Москве стало. Вот про них опять и забыли. А они и рады. И накопилась с того дня, Андрей Васильевич, недоимка аж за сорок девять лет!

– Вот это да... – только и охнул Зверев.

Удар нацеливался в самую больную точку.

Земные правители могли стерпеть многое: неуважение, измену, насмешки, иноверие. Но подати в казну – это всегда, для всех и каждого являлось самым что ни на есть священным вопросом. Недоплата налогов означала не просто обкрадывание правителя. Это был еще и отказ признавать над собой власть князя, хана или императора. Наверное, не меньше половины войн, бунтов и революций начиналось именно с нежелания платить дань или налог – и добрая половина войн немедленно прекращалась, едва побежденный соглашался эту самую дань привезти. Недоимка за сорок девять лет – это неуважение, оскорбление, это прямая пощечина царю! За такую выходку войну можно объявлять в любую минуту.

– Я не поленился, – ласковым голосом закончил князь Друцкий, – сунул серебра писцу в архиве, снял для себя копию этой изумительной рядной грамоты и даже заверил ее у достойного рижского стряпчего.

– Отчего же дьяк Адашев, архивариус царский, о том помалкивает? – удивился Зверев.

– Верно, Андрей Васильевич, помалкивает, – согласился гость. – Потому-то в чужие руки грамоту сию давать никак нельзя. Как бы не потерялась. Государю лично в руки надобно ее вручить...

– Ага... – Андрей наконец-то допил вино и со стуком вернул кубок на стол.

Теперь он знал, почему хитроумный старик Друцкий не пожалел целого месяца на дорогу к своей племяннице. Зверев был единственный, кто подходил для выполнения столь щекотливой миссии. Родственник – а значит, можно довериться. Интересы у обоих родов общие – ведь имения возле Великих Лук, по брачному договору, оставались за детьми Андрея и Полины. К тому же князь Сакульский весьма известен государю. Что в опале – неважно. Лучше жить в немилости, но чтобы царь знал твое имя, нежели обретаться в полной ненужности и безвестности. Опального обругают – но услышат. Неизвестного – просто не заметят.

– Так что скажешь, Андрей Васильевич? – понизил голос гость. – Добавим земель новых царству Московскому, али кукситься у себя в берлоге станем?

– Утро вечера мудренее, Юрий Семенович, – пожал плечами Андрей. – К чему второпях думать? Завтра встанем, детей я тебе покажу, по княжеству прокатимся, светлый праздник встретим. А там и решим.

– Тоже верно, княже. – Старик умело скрыл разочарование и, пригубив свой кубок, отставил его в сторону. – Пойдем. Полинушка меня, чай, заждалась. Обещался через минуту вернуться, а мы тут вона сколько сидим. Как бы нас искать не пошли. К чему такое беспокойство?

Гость оказался прав – сразу в прихожей его – перехватила княгиня и, вместе с двумя девками, повела на второй этаж в гостевые комнаты. Андрей же, пользуясь возможностью, свернул вправо и отправился в дальнее крыло, в свой кабинет и примыкающие к нему «комнаты отдыха», куда он старался не пускать никого – даже собственную жену. Прибирали здесь Пахом и Изольд, пол пару раз в месяц мыла убогая умишком дворовая девка, из жалости взятая Полиной в Москве. Вот и весь круг «посвященных».

Собственно, великих тайн тут не было. Записи свои Андрей вел на школьном русском языке, и даже обученные глаголице смерды разбирали его с трудом. Случайный взгляд на серые бумажные листки вряд ли мог объяснить даже самому умному из них, чем именно занимается хозяин. Никаких сатанинских атрибутов в чародействе Лютобора не требовалось, древние языческие боги, скрытые в травах, водах, небесах и земле, откликались на призывы корня

Сварогова, даже если человек не кланялся их идолам. И все же сохнувшие, либо отмокающие в горшочках травы, жаровня для топления сала и плавления воска, ароматы сушеных кож, медные ступы, чернильные орешки – все это почему-то вызывало у входящих в лабораторию трепет. И ведь что странно: каждый ребенок знает, что чистотелом можно выводить папилломы и бородавки, лечиться от антонова огня, от желудочных колик, что полынь сбивает у больных жар, а лопухи спасают от подагры. Но когда ту же самую травку начинает собирать князь – его подозревают в знахарстве и колдовстве! Вот и старался Андрей никого дальше кабинета не пускать – дабы слухов лишних не множить.

Сам кабинет для нынешних времен выглядел куда привычнее. Правда, вместо пюпитра для чтения и письма Зверев велел поставить стол: сперва он был обычным деревянным, но два года назад Полина купила в Москве на торгу французский, с позолоченными, изящно – а-ля кавалерист – изогнутыми ножками. Помимо двух сундуков, на которых можно и сидеть, и вздремнуть, а внутрь ненужное барахло сложить, здесь стояли два обитых бархатом кресла, тоже привезенных из Европы, и бюро из мореной липы. Княгиня собиралась опять же купить французское, но Андрею не понравились монструозные шкафы, что имелись на немецком дворе. Купец предлагал привезти изделие более тонкой работы – однако ждать требовалось не меньше года, цену он запросил такую, словно вырезать мебель придется из цельного изумруда, и князь махнул рукой, заказав игрушку по своему наброску вечно соловому Агрипию. Деревенский мастер всего за месяц выделал штучку ничуть не хуже заморских образцов: с откидной крышкой, выдвигаемыми подсвечниками, тремя потайными ящиками и особым верхним отделением, запираемым на скользящий щеколдочный замок с секретной скважиной, спрятанной в глазу у резного филина.

Запалив от тлеющей в углу перед образом лампы две свечи, Андрей поставил их в канделябры, открыл левый потайной ящик, достал ключ, вставил его в скважину, провернул, отпуская язычок, сдвинул щеколду и распахнул дверцы.

Здесь было пусто: из припасов осталось всего пара свечей из его, княжеской плоти. Это было плохо и хорошо. Плохо потому, что только свечи из плоти мертвого человека позволяли переступить грань миров и заглянуть в любой миг из прошлого или будущего. Хорошо – потому что в последние годы никто из окружения князя Сакульского не погибал. Вот разве что запас «мертвых» светильников полностью истощился.

– Ничего, – выставил на крышку бюро сальные светильники князь. – Если я ввяжусь в эту авантюру, то мое будущее окажется плотно увязано с этой войной. Мое грядущее покажет, к чему приведут Россию планы Друцкого. – И он громко продекламировал то, что осталось в его памяти от читанных в школе поэм Александра Пушкина:

Отсель грозить мы будем шведу...

Назло надменному соседу.

Природой здесь нам суждено

В Европу прорубить окно,

Ногою твердой встать при море.

То, что России нужен выход к Балтийскому морю – понятно любому идиоту. Поэтому идея Юрия Семеновича осуществить этот план прямо сейчас Андрею понравилась. В его, будущей истории, записанной на страницах учебника – только через полтора с лишним столетия русские люди займут эти земли, двинутся вдоль побережья на запад, строя на своем пути порты, школы, театры и заводы, даруя забитым племенам свободу и грамотность, только Петр I утвердит здесь безопасность и равноправие. Отчего же не занять Прибалтику прямо сейчас, если орден так ослаб, как о том сказывает хитроумный старик?

То, что Друцкие и Лисьины получают от этого приобретения явную выгоду, Андрея не смущало. Став князем, обретя ответственность за судьбы нескольких тысяч людей, он быстро усвоил, что любые деяния во благо государства неотделимы от выгоды людей, страну населяющих. Безопасность рубежей – это мир и покой в домах. Новые земли и дороги – это богатство в семьях. Возвышение православия – это единение народа в лоне общей церкви. Подвиги, не приносящие пользы, смысла не имеют. Да, конечно, пролитая ради уничтожения ордена кровь принесет изрядный прибыток великолукским и псковским помещикам. Но она же подарит России новые торговые пути, безопасность сотням тысяч живущих в порубежье семей, обогатит казну новыми податями, отодвинет границы на запад, спасая от набегов исконные русские земли. Разве ради этого не стоит обнажить клинок, принести некоторые жертвы, выказать свою волю и решительность?

А коли кто-то от этого лишним серебром разживется – так ведь только старательнее за нужное дело бороться станет. Чай, стране на пользу, а не во вред потрудятся.

– Ляхов бить – это вам не нефть государеву разворовывать, – пробормотал Зверев, наливая в неглубокую ношву холодную талую воду, и провел над ней рукой, бормоча заговор Стречи на неодолимый сон. Жидкость застыла ровной зеркальной поверхностью, словно замерзла. Андрей поднял ее, пристраивая вертикально между свечами, зажег от восковых свечей сальные, потушил канделябры.

Безусловно, выход к Балтике России был необходим. И шанс для такого успеха, вроде бы, появился отличный. Но иметь возможность заглянуть в будущее и не подстраховаться, не проверить результат – глупость не меньшая, нежели опасность упустить удобный шанс для победы.

Князь прикрыл глаза, успокаиваясь и сосредотачиваясь, негромко и нараспев призвал одну из сильнейших богинь мира:

– Мара, воительница, вечная правительница, твоя власть над живыми и мертвыми, над ушедшими и нерожденными. Из окна черного забери витязя нерожденного, освети путь живой, будущий день-деньской, каковой через... три года случится.

Три года показались Андрею достаточным сроком, чтобы понять: как пойдет война, каковы будут ее результаты, чем рискует Россия и что выигрывает.

Князь Сакульский открыл глаза и увидел перед собой обрамленную серой деревянной рамочкой темноту. Полную, абсолютную, непроглядную – особенно на фоне белых свитков на полке и сверкающих позолотой канделябров. Словно в ношве открылась бездонная дыра.

Всего несколько лет назад Андрей подумал бы, что сделал что-то не так, но многократные тренировки, особенно во время вынужденного безделья, придали ему уверенность в своих силах. Он знал: все сделано правильно, никаких ошибок нет. Зеркало Белеса действует, показывая ему грядущее. Осталось только понять, что именно.

– Будем проще, – сосредоточил он свой взгляд на нижней части черной поверхности. Там, в самом низу, светлела тонкая полоска. Значит, среди тех дней вокруг князя было светло.

Всего пара минут понадобилось зеркалу, чтобы вернуться на добрый год назад – Андрей невольно зажмурился, когда по глазам внезапно ударил яркий свет, а когда снова открыл, то увидел себя в седле, рядом с холопами в тегилях. Они неспешно двигались по широкому затоптанному тракту. Дальше, впереди, легко узнавалась татарская конница: стеганые халаты, мохнатые шапки, круглые щиты и саадаки на крупах лошадей, копыта у стремян. Холопы тоже ехали с рогатинами, при оружии – но без брони. Стало быть, битвы в ближайшие дни не намечалось. Хотя рать, понятно, находилась в походе.

Леса вокруг казались прореженными: листва уж облетела, а уцелевшая – пожелтела, завяла и почти не заполняла кроны. Осень: черные поля, размокшая дорога, полегшая трава на заставленных копнами лугах. Колонна двигалась мимо одинокого хутора, огороженного не частоколом, а плотной жердяной стеной. Полуоткрытые, перекошенные створки ворот, за ними – бельмо затянутого пузыря окна. Чуть в стороне чернела крыша хлева, чердак которого плотно был забит коричневым сеном. По другую сторону тянулась топкая болотина – травянистая, но не заросшая даже кустами. Только редкие корявые березки пытались удержаться на разбросанных тут и там островерхих кочках. Людей видно не было. То ли от татар спрятались, то ли татарам уже попались.

Болотина оборвалась, отрезанная от густого березняка прямой и ровной, похожей на дренажную канаву, речушкой. Лес подступал почти к самому тракту, по краю опушенный ивовыми зарослями. На ветках болталось множество сухих стеблей – словно повозка с сеном проехала слишком близко и ободрала свой мохнатый бок. Возничий либо не заметил, либо поленился собирать потерянные пучки.

– На барщине, видать, работал, – себе под нос пробормотал Андрей. – Чужого добра не жалко.

Скакун князя мерно двигался мимо кустов, всадник смотрел вперед – но отсюда, из Зазеркалья Андрей заметил в тени кустарника какое-то шевеление, пару раз явственно блеснула сталь. Он вскинул руку, открыл рот – но предупредить ратников не успел: кустарник вдруг полыхнул алым пищальным залпом, выбитый из стволов дым почти коснулся его плеча и...

И зеркало снова стало черным.

– Вот тебе и пророчество, – сглотнул Зверев и пальцами погасил обе свечи одновременно. Взмахнул ладонью, пробуждая воду от сна, повернулся боком, чтобы поток не залил его рубашку.

Получалось... Что же получалось? Получалось... Получалось, что, если России нужен выход к Балтийскому морю, то одним из тех, кто отдаст ради этого свою жизнь – будет он сам.

Подстрекатель

Москва встретила князей седыми куполами, на которых золотились православные кресты, тысячами дымов, угрюмой замерзшей стражей, лошадьми в пополах, розвальнями и каретами, темно-бурым снегом на улицах, румяными купчихами в красных платках и пухлыми от тулугов горожанами с заиндеветыми бородами.

– Ты и вправду кудесник, Андрей Васильевич, – натянув за Литовскими воротами поводья, кивнул спутнику князь Друцкий. – Уж не чаял я снова в седло подняться, а опосля зелья твоего юным отроком себя чую. Поедем ко мне во дворец, дорогим гостем будешь! Баньку велю стопить, погреб разорим ради славного пира.

– Благодарствую, Юрий Семенович, – приложил руку к груди Зверев. – Но я уж год к себе на подворье не заглядывал. Может, лучше ты ко мне? Баньку велю стопить, погреб разорим ради такого случая.

– Дык ведь и я тут с прошлого лета не бывал, – усмехнулся старик. – Ладно, лукавить не будем, на пару дней расстанемся. До визита послов ливонских еще добрый месяц. Успеем урядиться, как сподручнее действовать в деле общем. До встречи, Андрей Васильевич!

– И тебе доброго здравия, Юрий Семенович...

Князья раскланялись и разъехались. Нарядная свита в малиновых и синих зипунах, в крытых атласом полушубках, в меховых налатниках распалась надвое и втянулась в огороженные частоколом узкие улицы.

Воевать Андрей пока что не собирался, а потому взял с собой всего пятерых холопов, без оружия – сабли, кистени и щиты в расчет, разумеется, не шли. Равно как и пищали с припасом, и бердыши, что ехали на заводных. Брони на плечах и рогатин у стремени нет – значит, путники мирные, как иначе?

Едва впереди показался шпиль Храма Преображения, на душе появилось беспокойство: а ну, случилось что? Пожар, разбой, или того хуже – приказчик ворьем оказался? В ратных походах среди служилых людей самая известная страшилка была о том, как возвращается боярин с войны, а приказчик его оброк собрал, добро хозяйское продал, да с казною и сбежал. Крестьяне без присмотра барщину забросили, ремесленники в иные края подались. Приходит воин из похода лишь с копьем и саблей, а вместо поместья – разор и нищета. Поля заросли, дом развалился, погреба пусты, смердов и в помине не осталось.

В реальности такого, конечно, не произойдет. В домах ведь семьи остаются: жена и дети, родители старые, родичи далекие. Они разора не допустят. А вот на подворьях, где приказчики месяцами без догляда работают – там всякое случается. Иные соблазна не выдерживают, воруют. Кто по чуть-чуть таскает, а кто – со всею казною и в бега.

Но нет, дворец впереди открылся опрятный и красивый. Окна сверкали слюдой, в тыне виднелись новенькие колья взамен подгнивших, створки ворот украшали два красных льва, угрожающе поднявших лапы, сверху над ними появилась крытая резным тесом, изогнутая крыша с ликом Андрея Первозванного и небольшой луковкой. Когда же ворота распахнулись, пропуская князя внутрь, Зверев и вовсе ахнул: двор оказался гладко выложен лиственницей! Дерево на свету уже успело потемнеть, однако было видно, что работа окончена совсем недавно.

Князь спешил, пошел по кругу, время от времени притоптывая. Пахом тоже громко присвистнул, кашлянул:

– Лихо, княже. Ровно на царском дворе.

– На царском дворе мостовая из дубовых плашек, – негромко поправил его Андрей. – Здесь же, скорее, паркет получается.

Дверь дворца распахнулась, и наружу выскочил Еремей в одной косоворотке, выпущенной поверх полотняных штанов, и в войлочных тапочках с острыми носками. На ходу он то надевал, то сдергивал мятую-перемятую красную суконную шапку. Ныне, войдя к Андрею в доверие, он стал приказчиком, серебром распорядился немалым, а по виду – как был ярыгой, так и остался. Дорогая одежда на нем сидела как-то косо, вечно мялась, седые патлы торчали клочьями, короткая курчавая бородка от самого подбородка задиристо торчала вперед, но спина при этом вечно оказывалась сгорбленной.

– Я вот так поразмыслил, – чуть не раздирая шапку, промямлил ярыга. – На дворе как осень аль весна, так слякоть и грязь – ни пройти, ни проехать, ни в сапогах чистых ступить, сколько соломы у крыльца ни кидай. Опять же, после дождя тяжко. Ну, и дозволил себе... Я у князя Воротынского так видел, как письмо твое, княже, два года тому относил. Мостовая, она тяжко и дорого выходит.хлопотносие больно, землю всю ровнять, засыпать, трамбовать, выкладывать... А здесь смерды лаги кинули, хворосту, веток, щепы мы набросали на пол-локтя, дабы сырость от земли не поднималась, да доской сверху и покрыли. Хоть малым детям в черевичках круглый год ходить, хоть гостям в сапогах с самоцветами, хоть на карете заезжай – все едино ни соринки не прилипнет. Щелочки тут оставлены, так то дабы вода стекала, не застаивалась в сырость. И не дорого сие стало, а...

– Молчи, – вскинул палец Андрей. – Хватит оправдываться. Ты молодец и сделал все отлично. Проси себе награду, какую захочешь. Только подумай хорошенько, чтобы не прогадать.

– Ага, – встрепенулся ярыга и наконец-то распрямился, став похожим на приказчика.

– Не ага, а благодарствую, тютя! – захав сбоку, Пахом легонько шлепнул его плетью по спине.

– Ой, прости, княже, – испугался Еремей, вцепился себе в волосы, явно забыв, что шапка уже в руке, и принялся торопливо и низко кланяться.

– Успокойся, плешь себе устройшь, – хлопнул его по плечу Зверев. – Лучше беги печи топить. Холодно небось в доме.

– Через день протапливаю, княже, – замотал головой тот. – Морозу и сырости нигде нет. Вот те крест, нигде.

– Беги, сказано, – опять огрел его плетью Пахом и спрыгнул на доски. – А что, и впрямь ладно, княже. Глуп приказчик здешний, но молодец.

Еремей уже подтрусил к крыльцу, едва не сбив на ходу вышедшую с ковшом женщину.

– Пахом, пару человек отправь баню топить, остальные пусть лошадьми занимаются. Тут ныне дворни нет. – Князь двинулся навстречу Саломее, закутанной в шали и платки с ног до головы. Только голубые глаза с длинными ресницами проглядывали в узкую, словно в парандже, щель. Принял ковш с теплым сытом, немного отпил.

– Прости, княже, сбитень варить не для кого, – повинилась приживалка. – Оттого и нечем попотчевать достойно. Кабы знать!

– Надеюсь, после бани-то найдешь, чем угостить? Не умрем с голодухи?

– Как можно, батюшка?! – округлила глаза Саломея. – Сей же час огурчиков да грибков принести могу, рыбки копченой, вина заморского поставить. Погреб полон, токмо и ждет, кто его раскроет. А пока паритесь, и курочек запечь успею, и селедочки почистить, и ветчины зажарить.

– Ну, так беги, собирай. Мужики со мной все голодные.

Оставшись один, он прошелся по запорошенным снегом доскам, пристукнул каблуком. Стало обидно: только налаживается все вокруг, краше становится и богаче. Две дочки растут, жена красавица, дворец в Москве и княжестве обустроились, люди, поместье... И вот те на – погибать пора.

Умирать Андрею совсем не хотелось. Остро, обидно, до слабости в коленках. В душе постоянно билась надежда – что нет, не получится ничего. Не слушает

его царь, не поверит в грамоту, или заплатят ливонцы положенную дань. Не будет войны – и не придется умирать. Но отступить Зверев не желал. Его стране требовался выход к Балтике – и он сам, сразу, был готов заплатить за это жизнями. Хоть и чужими. Что же изменится, если среди прочих окажется и его собственная жизнь? Не боишься посылать за Калинов мост других – нечего тогда и самому отнекиваться.

Правда, другие обреченные ратники пока не знали о своей грядущей смерти. Они всего лишь двинутся в обычный, привычный для детей боярских поход. Судьба открылась лишь одному.

– Ничего, – Андрей притопнул по новенькой мостовой и решительно направился к дому, – детям останется. Будет, где разгуляться.

Первые трое суток в Москве пролетели незаметно. Хлопоты по дому, который требовалось пробудить к жизни, визиты к князьям Воротынскому, Шаховскому. Хозяев, правда, в столице не оказалось, дворня о госте потом доложит – но ведь время ушло. Златоглавую от края до края быстро не обойдешь. Еще день Андрей подарил братчине. В гостеприимном доме дьяка Кошкина, как всегда, обретались несколько побратимов сына боярина Лисьины, которые с удовольствием осушили с ним братчину, запив пиво петерсеменной и закусив свежей волжской белорыбицей. До самого рассвета друзья что-то обсуждали, строили планы, выпивали за их осуществление, но на следующий день Андрей так толком и не вспомнил – чему же они посвятили столько времени?

У князя Друцкого, похоже, хлопот обнаружилось не меньше, поскольку появился он не на третье, а только на пятое утро. Обнял вышедшего навстречу хозяина, прошелся кругом, молодецкато притаптывая каблуком по струганным доскам, крякнул:

– Славно! Надобно и мне так застелиться. – И без всякого перехода продолжил: – Государя нет в Москве. Он ныне в Александровской слободе обосновался.

– Знаю, – кивнул Зверев. – Мне о том боярин Кошкин пожаловался.

– Едем?

– Прямо сейчас?

– А чего медлить, Андрей Васильевич? Рано не поздно. Коли послы нас обгонят, лет пять о недоимках бесполезно будет напоминать.

Зверев секунду поколебался, потом громко распорядился:

– Пахом! Вели коней седлать! Пару ребят с собой возьми, остальные пусть по дому помогут. Вина романейского испить не желаешь, Юрий Семенович, пока суть да дело?

– Не стоит, Андрей Васильевич. Знаю я, как это случается. Чарку выпить, маненько закусить, чуток поболтать, после застолья отдохнуть... А там, глядишь, и сумерки. Не стоит.

– И то верно, – признал Зверев. – Тогда извини, я один отлучусь. Оденусь в дорогу, серебро прихватчу.

Несмотря на спешку, родственники отъехали со двора только через час, – пока холопы седлали лошадей и укладывали в сумку дорожные припасы, Андрей выбирал, какие одеяния достойно надеть к царскому двору, чтобы не уронить княжеского достоинства, а что удобнее носить в дороге и в ожидании аудиенции. Ведь все, им взятое с собой из дома – ныне сохло, постиранное после долгого пути. А разыскать среди множества сундуков и шкафов дворца те, что берегли именно его тряпье, без жены оказалось не просто. Потом все это еще требовалось уложить, увязать, приторочить... Так до полудня и прособирались.

Наверстывая время, отряд сразу за воротами перешел на рысь. Холопы мчались впереди, обгоняя повозки и разбойничьим посвистом разгоняя медлительных смердов. Возле яма в Щелково они переседлались, перед Раменским еще раз, но, как ни торопились, дотемна все равно не успели и остались ночевать на постоялом дворе возле зажиточного Павловского посада.

Дальше тронулись еще до рассвета и через два часа въехали в пределы истинной столицы нынешней Руси.

За пять лет, прошедшие с последнего визита князя Сакульского в Александровскую слободу, она выросла почти вчетверо. Причем, в отличие от большинства русских селений, пригороды начинались не с грядок и сарайчиков,

а сразу с постоянных дворов, обнесенных крепким высоким тыном. Издалека казалось, что уже за версту от новеньких темно-зеленых куполов Успенского и Троицкого соборов стоит настоящая городская стена.

Однако в начале улицы не имелось не то что ворот, но и простой стражи. Перейдя на шаг, князья стали пробираться по запруженному проулку между идущими встреч друг другу телегами. В отличие от Москвы, празднующихся горожан здесь почти не было – только тяжело нагруженные возки, озабоченные ремесленники, спешащие с тяжелыми мешками или кофрами, и бабы, несущие в корзинах купленную для семьи снедь. На полпути к кремлю – назвать иначе окруженную ровом белокаменную слободу язык не поворачивался – уже слышался стук топоров, поскрипывание кранов и веревок. Вокруг резиденции государя продолжалось бурное строительство.

У ворот слободы гостей ждал сюрприз: четверо монахов, опоясанных саблями и опирающихся на прочные островерхие рогатины, сторожили вход на новенький мост, перекинутый через такой же юный, свежесрытый ров, берега которого до зимы не успели покрыться травкой и теперь скалились сквозь снег оставшимися после лопат мерзлыми глинистыми зубцами. Увидев всадников, божьи дети тут же перекрыли копьями проезд. Лица их были бородаты, суровы и решительны.

– Князь Сакульский и князь Друцкий к государю поклон свой принесли. Уважение выказать, думами своими поделиться, – спешил перед монастырской стражей Андрей. – Кто у вас за старшего?

– Государь ныне молиться изволит, – мрачно отрезал один из монахов. – Коли нужда у вас в нем большая, вона на излучине съезжая изба стоит. Там писец сидит дьяка Адашева, у него можно грамоту оставить, кто такие, по какой нужде к Иоанну Васильевичу проситесь. Коли государь соизволит, то до себя пригласит. А проще челобитную оставьте, дьяк в просьбе разберется и ответ отпишет. У царя дел государевых невпроворот, недосуг ему с каждым плакальщиком речи вести. Прождете милости без пользы. За челобитные же Адашев головой отвечает, без решения не оставит.

– Ты с князьями знатными речи ведешь, деревенщина, а не с плакальщиками! – повысил голос Зверев, положив руку на рукоять сабли.

– А по мне, хоть король датский! Кого Иоанн зовет, тот в слободе свой, а кто сам является – проситель, – не дрогнул монах. – Ступайте с Богом, коли в порубе у ката погостить не желаете.

Зверев ощутил в душе непроизвольное облегчение и передернул плечами, отгоняя позорные мысли.

– Понял, Юрий Семенович, кто ныне при дворе правит? – повернулся он к старику. – Кто решает, кому до царя ходить можно, а кому без надобности? Те, кто четыре года тому к бунту призывали и бояр золотом подкупали, дабы законного правителя отринуть. И сам князь Старицкий, вестимо, с ними. Спрашивается, какого черта мы царя защищали? Ничего ведь не изменилось.

– Ты защищал, – губ старика коснулась легкая усмешка. – Мне высокие материи ни к чему. Я больше нуждами земными интересуюсь. Хозяйством, ремеслом всяким, делами торговыми. Ценами да оброками. Мы люди простые... – С этими словами прямой потомок князя Рюрика в восемнадцатом колене[5 - Основатель рода князей Друцких, князь Полоцкий Рогволод-Борис Всеславич, это пятое колено князя Полоцкого Изяслава Владимировича, который сам – пятое колено от Рюрика. Обособленная ветвь рода, в XII–XV активно роднилась с Гедеминовичами.] поднялся в седло. – Поехали, Андрей Васильевич, постой искать. Опасаюсь, здесь это не так просто окажется.

К счастью, в этот раз князь Друцкий ошибся. Окрестные купцы уже успели сообразить, что народ к государю в Александровскую слободу будет съезжаться числом немалым, и успели выстроить огромное количество постоянных дворов на любой вкус и достаток. Добравшись по тянущейся вдоль Коломны улице до окраины, путники свернули в ворота, за которыми красовался добротный, в два жилья, бревенчатый дом со слюдяными окнами.

– Горницы достойные для князей есть? – не спешиваясь, наклонился у крыльца Пахом – и навстречу тут же выкатились трое мальчишек в картузах с лаковым козырьком и косоворотках с вышитым воротом.

– Есть, есть боярин! Дозволь коня принять, дозволь стремя подержать, дозволь до крыльца провожу!

– Для двоих князей светелки надобны! И людские комнаты тоже...

- Есть, есть! - путались между лошадьми мальцы. - Дозволь, дозволь!

- Что скажешь, Андрей Васильевич? - повернул голову князь Друцкий.

- Двор соломой от грязи застелен, окна дорогие, слуги расторопные, конюшня добротная, - оценил место Зверев. - Думаю, тут неплохо.

- Быть посему, - согласился старик.

Час спустя они сидели в раскаленной парилке, смывая дорожную пыль и грязь, охлаждаясь изнутри пивом, а снаружи разгорячаясь вениками.

- Крепко государь от нас отгородился, - потряхивая над спиной родича пахучим березовым пучком, вздохнул Зверев. - Так просто до него не добраться. Раньше хоть в слободу, на службу в храм пускали, а ныне и того нет. Интересно, литовские послы скоро сюда доберутся?

- Мыслю, твоими стараниями, недели через две, - распластавшись на полке, пробормотал старик.

- Почему моими? - не понял Андрей.

- Ты меня в седло посадил, Андрей Васильевич. Кабы не верхом, мы бы еще токмо Новагород миновали. Я так прикидывал - аккурат вместе со схизматиками доехать, дабы зря времени не терять. Получилось же с изрядным запасом.

- Запас карман не тянет. - Зверев кинул веники в бадейку с кипятком, зачерпнул пива, половину ковша выпил, остальное выплеснул на камни и забрался на самый верхний полок. - Меня тут мыслишка одна посетила. Пока время есть, я медной и железной пыли натру, охры, соли тоже и петард наделаю. Перемешаю с порохом, набью ракеты. Из бумаги придется скручивать, на рыбьем клею. Или из кожи. Потом выберем день, и я на льду перед слободой фейерверк запущу. Хлопушки там, петарды, шутихи, разноцветные шары. Будет много шума, света, веселья. В общем, трудно не заметить. Иоанну, конечно, станет любопытно, что происходит, и он сам выйдет, либо кого-нибудь пошлет разузнать. Так или иначе, а про меня он услышит или сам увидит. Ну, а тут уж я шанса не упущу, будь уверен. Ему есть чем передо мной похвалиться. Он не утерпит, для

разговора позовет. Тут я про грамоту и скажу...

У Андрея засосало под ложечкой, и он уже в который раз воочию увидел перед собой брошенный хутор, болотину, кустарник с сеном на ветках – и кинжальный, в упор, пищальный залп. Если все получится – войну в Прибалтике наверняка удастся закрутить.

– Хитро придумано, княже, – вяло признал старик. – Вполне может выйти. И заметят, и выйдут, и к царю для расспроса отведут. Ловок ты на выдумки нежданые, Андрей Васильевич, прямо зависть берет. Ты попробуй, штучки эти все приготовь. Я же покамест Тимошку поищу.

– Какого Тимошку? – не понял Зверев.

– Рази я не сказывал? Сына я женить собрался.

– Помню, – кивнул Андрей. – За Марфу, из рода бояр Кокоревых.

– Точно, – приподнял голову князь Друцкий. – За нее. Брат же ее, Тимофей, в избранную тысячу записан. Место у него невеликое, барашем[б - Бараш – человек, который отвечает на выездах за установку царских шатров.] он при дворе состоит. Но ведь мы люди маленькие, нам много не нужно. Судьбы мира мы решать не рвемся. А вот провести двух служилых людей на царский прием он сможет, дело нехитрое. Дабы в толпе за рындами постоять, от Адашева разрешения не надобно.

Князь перевернулся на спину, вытянул руки и блаженно зевнул.

Опричник Тимофей Кокорев оказался боярином немолодым, явно за тридцать. Жесткая русая борода из закрученных мелким бесом и перепутанных волос доставала ему почти до пояса, огромные ладони размером с тигриную лапу были постоянно розовыми, словно обожженными, а лицо, наоборот – мертвенно бледным. Голубые глаза хранили в глубине некую обреченность, которая вполне понятна у монаха в дорогой суконной рясе, пусть и опоясанной изогнутой османской саблей в кованых серебром и украшенных самоцветами ножнах. Видимо, трофеейной. Вместо кlobука боярин носил простенькую черную тафью, на левом запястье постоянно поблескивал плотно прилегающий к руке серебряный браслет, до блеска истертый с тыльной стороны ударами тетивы.

Юрий Семенович искал его целую неделю – не так просто выйти на человека, живущего за крепостной стеной и не имеющего особой нужды гулять по большой деревне, что выросла вокруг царского двора. Еще два дня бояре посвятили тому, чтобы хорошенько обмыть знакомство с будущими родственниками. А на третий, по донесению специально посаженного у Московского тракта холопа, в Александровскую слободу прибыл поезд ливонского посольства.

– Говорить им с государем ныне не о чем, – за ужином пояснил князь Друцкий. – Обид в порубежье никаких за последние годы не случилось. Мы их не тревожили, потому как Иоанн державу всю на восток повернул, от напасти татарской Русь избавлял. Ордынцы тоже буйство прежнее растеряли и крови своей проливать не желают. Судить-рядить нечего. Токмо договор прежний о перемирии еще лет на пять-десять подписать по прежнему уложению, и все хлопоты. Коли так, то и держать их здесь долго не станут. Как дух после пути неблизкого переведут, до государя допустят, дарами обменяются да грамотами. Они, поди, уж и сверены давно.

– А я думал, промурыжить их должны для солидности. Этак с месяцок. Дабы знали, что к великому царю явились, занятому – а не к захудалому князьку.

– Оно бы и надо, – согласился Юрий Семенович, – да ведь и схизматики не дураки. Аккурат к окончанию прежнего перемирия подгадали. Меж договорами разрыв нам совсем не с руки. Вдруг напасть какая в сей день али месяц случится? Как обиду потом разрешать? Коли по уговору – так он в сей день действовать не станет. Коли по обычаю библейскому – так это перемирие надобно рвать. Сие же никому не надобна...

– Кроме нас, – усмехнулся Зверев.

– Кроме нас. Но мы ведь рядных грамот и не подписываем, княже. Мы люди маленькие. Не про нашу честь подписи на государевых грамотах ставить.

– Да, княже. Мы люди маленькие, с нас хватит и войну меж двумя странами развязать.

– Ты передумал?

– Я? – приподнял брови Зверев. – Ничуть. «Природой здесь нам суждено... ногою твердой встать при море». Это дело я намерен довести до конца... – Он вдруг явственно ощутил приближение к своей судьбе увешанного сеном куста, обжигающее пламя залпа... и торопливо опрокинул в горло добрый кубок вина. Решительно поднялся: – Прости, Юрий Семенович, устал. Но, как сведения появятся, зови немедля. Отлучаться из покоев я никуда не стану. Даже оденусь для царского приема прямо с утра.

Решение оказалось мудрым – спозаранку, едва князья успели перекусить в трапезной постоянного двора, как в дверь влетел запыхавшийся смерд и, тяжело дыша, плюхнулся на лавку рядом с холопами, выдохнул:

– Боярин... после заутрени... у ворот ждать будет...

– Кокорев? – поднялся Юрий Семенович.

– У... – кивнул посыльный и устало откинулся на спину.

– Идем, Андрей Васильевич. Уже светает, как бы не опоздать.

– Пахом, вели коней седлать! – встал и Андрей. – Ты с нами поскачешь. Эй, хозяин, гонцу кувшин петерсемены за мой счет. И накормить от пуза.

Пока князь Друцкий ходил за свитком, холопы успели вывести коней, накрыть потниками, положить на спины седла и затянуть подпруги. На холку каждой легла туго скрученная попона – не май месяц на улице, у коновязи непокрытыми не оставишь. Минут десять – и князья в сопровождении Пахома с места сорвались в галоп, едва не своротив полуоткрытую створку ворот.

Боярин Тимофей нетерпеливо прохаживался перед стражей у моста – на этот раз без сабли, в клобуке и с большущим крестом на груди. Хмуро глянув на спешившихся родичей, он указал на их пояса:

– Оружие оставьте. Эх, не обмолвился я вам налатники заместо шуб надеть. Теперь уж деваться некуда... – Он подождал, пока князья отдадут свои пояса холопу, и повернулся к привратникам: – Они мне надобны.

И рогатины послушно раздвинулись.

– Только и всего, – разочарованно пробормотал Зверев. – Нет, с салютом было бы веселее.

Разумеется, войти в самую слободу оказалось даже не половиной – одной десятой дела. За крепостными стенами и так жило, работало и служило много тысяч человек. Но мало кого из них допускали в царские палаты, и уж вовсе считанные единицы – до самого правителя.

Сразу за воротами, огороженные частоколом и щедро засыпанные соломой, улицы расходились двумя лучами. Слева возвышались звонницы и соборы, справа – виднелись массивные бревенчатые стены с узкими бойницами. Возможно – арсенал и казармы гарнизона. Что пряталось между «проспектами», так и осталось тайной. Никаких строений над частоколом не поднималось, не доносились ни звуки строительства, ни мычание скота, ни ржание лошадей – ни малейших признаков жизни.

Опричник свернул на правый «луч», ускорил шаг. Примерно через двести метров, миновав трое ворот, они оказались перед ступенями крыльца, ведущего не в дом, а на крытую галерею, что шла по верху прочной стены, разгораживающей слободу примерно надвое. Стена уходила влево почти до самой реки, но с крепостными укреплениями, похоже, не смыкалась. Во всяком случае, с крыльца стыка было не разглядеть. Зато справа уже в двух шагах галерея заканчивалась высокими, в полтора роста, двустворчатыми дверьми, защищенными от бесов иконой «Троеручница» в серебряном окладе.

Скинув шапки, перекрестившись и отвесив Богоматери низкий поклон, служилые люди вошли внутрь, в теплой передней наскоро отряхнули сапоги и шубы и прошли дальше, в монастырь.

«Монастырь!» – именно это возникло в голове у Зверева, когда он увидел внушительную толпу облаченных в рясы молодых и не очень мужиков, наполняющих обширное, размером с Грановитую палату, помещение. Из примерно трех сотен присутствующих всего пятеро оказались в мирском платье: князя Сакульский и Друцкий, боярин Висковатый, известный Андрею как дьяк Посольского приказа, и при нем безусый отрок в шитой золотом ферязи со шкатулкой в руках. Да еще молодой смерд, что подбрасывал дрова в топку

изразцовой печи в углу.

– А разве Иван Михайлович не в опале? – шепотом поинтересовался Зверев. – Я слышал, сразу после взятия Казани он с Иоанном чуть не подрался и ересь какую-то на соборе вещал.

– Слышал ты звон, княже, – хмыкнул Тимофей Кокорев, пробираясь вдоль стены в задние ряды, – да не слышал, где он. Не с государем он подрался, а с митрополитом, и не за ересь, а сам митрополита в ереси обвиняя. Тот, слышь, дозволил на иконах бесов в облике людском изображать. За ту вольность его Висковатый срамными словами и хулил. Митрополит же в отместку собор тамошний заставил от церкви его отлучить.

– Да ты что? – не поверил своим ушам Друцкий. – Отлучен и не в опале?

– Государь милостив, – как-то бесчувственно, словно заученно ответил опричник. – Решил, что одной кары боярину хватит и в приказе[7 - Имеется в виду, разумеется, Посольский приказ, руководителем которого боярин Висковатый и был полных 20 лет, с 1549 года. Помимо отлучения от церкви на три года Висковатый знаменит тем, что стал создателем и первым руководителем Царского (государственного) архива. Дата рождения и происхождение сего умнейшего и образованного боярина науке неизвестны, зато известно, что он был другом небезызвестного читателю Ивана Кошкина.] его на месте оставил.

– Куда ты нас тащишь?!

– Заметны вы больно, Андрей Васильевич. Как бы не осерчал государь, что незваные к нему в обитель заявили.

– Ку-уда?

В этот миг запахнулась низкая дощатая дверь, что находилась позади Висковатого. Тот попятился, стукнул посохом и склонился в низком поклоне перед высоким широкоплечим чернецом с узкой бородкой клинышком. Отрок согнулся так резко, что задел головой дьяка, заставив того пошатнуться, прочие же монахи лишь слегка склонили головы и попятились, образуя широкий полукруг перед простым, без изысков, деревянным креслом с низкой – голову не

откинуть – спинкой. Следом за чернецом вошли несколько иноков постарше, с посохами, отступили к дверям, стенам, встали перед прочей толпой. Еще двое монахов Андрею оказались знакомы: набычившийся, с рыхлым носом духовник Сильвестр и тощий, с иссиня-черными, словно подведенными, бровями личный писец царя Алексей Адашев. Только после их появления Зверев и догадался, что же за парень уселся в кресло: государь Иоанн IV Васильевич собственной персоной.

– Возмужал, – оглянулся на князя Друцкого Андрей. – Надо же, как изменился. А ведь всего четыре года не виделись.

– Вот, держи, – сунул ему в ответ бумажный свиток Юрий Семенович и торопливо перекрестил: – С Богом!

– Сказывай, Иван Михайлович, что у тебя?

– Уложение с Литвой ныне согласовано, послы тамошние на шесть лет перемирия срок просят поставить...

Дьяк пальцем подманил отрока. Тот поспешно вытянул перед собой шкатулку. Висковатый откинул крышку, достал грамоту, протянул царю. Иоанн пергамент принял, развернул, пробежал глазами, свернул и отдал обратно:

– Коли так, пусть боярина достойного присылают, доверительным письмом сопроводив.

– Ногайский хан Измаил челом тебе бьет и просит прислать ему для нужд двух соколов охотничьих и сто тысяч гвоздей железных, клянясь в обмен ни одного врага в земли русские через степи свои не пропускать, а буде кто от тебя к нему побежит, так ловить и назад возвратять без напоминания. А коли пожелаешь, так и казнить того на месте, – извлек очередную грамоту дьяк.

– Хан Измаил много лет другом верным для царства нашего остается, – развернув грамоту, произнес Иоанн. – Вели отослать ему все, что надобно.

– Князь Темрюк, правитель черкесский, челом тебе бьет, государь, и просит дать ему землю в Москве, дабы дом иметь недалече от твоей милости.

– Купить достойный дом за счет казны и подарить князю, – мельком глянув на письмо, приговорил Иоанн.

Андрей Зверев никак не мог отделаться от ощущения, что попал в дешевый театр. Все роли распределены заранее, вопросы решены. Дьяк и царь всего лишь имитируют юс прилюдное разрешение.

Хотя... Может, в этом и цель? Ведь любые указы, законы и распоряжения вступают в силу после их публикации. Газет и телевидения у Иоанна пока что нет. Вот и обнародует, как умеет. О мелких делах на площадях через глашатаев сообщать не станешь. О том, что ногайцы пошли к русским в союзники, а черкесы и прямо приняли подданство, соседям тоже не отпишешь, за угрозу примут. А вот так, пока послы иноземные за дверью томятся, получается скромно, но прилюдно: кому нужно – услышит, кто захочет – узнает.

Дьяк Посольского приказа наконец перестал жонглировать грамотами, закрыл шкатулку и склонил перед Иоанном голову:

– Посланец магистра Ливонского ордена Вильгельма Фюрстенберга комтур Вильянди Готард Кетлер тебе ныне челом бьет и принять просит для обмена грамотами о перемирии на десять лет.

– Проси кавалера Кетлера, – величаво кивнул сидящий в кресле скромный инок.

Боярин Висковатый сделал разрешающий знак, откуда-то из рукава незаметно достал украшенный сургучными печатями свиток. Монахи, что с посохами, распахнули створки дверей в переднюю, впуская поджарого, гладко бритого иноземца, голова которого утопала в пышном жабо. Коротко стриженный, в куцем суконном плаще, в пухлых на ляжках штанах, ниже колена превращающихся в матерчатые чулочки, выглядел он неожиданно солидно. В первый миг Андрей не понял, почему, но вскоре сообразил:

иноземец оказался единственным, у кого на пальцах поблескивали массивные золотые перстни, из-под жабо у него свисало кольцо с самоцветами, в ухе торчала сережка, словно у персидского раба. Даже два сопровождавших посла угрюмых бюргера в длинных коричневых балахонах и черных суконных шапках не позволили себе никаких украшений, не говоря уж о монастырской братии. А тут – такой красавчик!

Комтур приложил к груди шляпу с длинным петушиным пером, поклонился, помахал ею и выпрямился, вернув на макушку:

– Мой брат и командир прислал меня к тебе, великий царь Иоанн Васильевич, дабы вручить подписанную им грамоту о перемирии на десять лет по приговору прежнего уложения. От тебя он ждет взамен таковую же грамоту, подписанную тобой, великий царь.

У Андрея остро засосало под ложечкой. Выбор... Выбор нужно было сделать сейчас. Промолчать – и не будет проклятого хутора, кустов и залпа в упор. Будет прежняя спокойная, размеренная жизнь, Полина, дети, уют. Привычные хлопоты, уютный дом. Но ценою русской Прибалтики: свободной и благополучной. Либо – Россия выйдет к морю. Вот только князь Андрей Сакульский, урожденный боярин Лисьин, окажется втоптан на этом пути в мать-сыру-землю.

– Жизнь или кошелек. Глупый выбор, – пробормотал Зверев и весело прокричал:
– Не вели казнить, государь, вели слово молвить!

Вскинув грамоту над головой, он стал пробиваться через монашескую толпу вперед.

Дьяк, читавший ливонскую грамоту, приподнял голову, глянул на голос, стрельнул глазами на государя. Тот скривился:

– Знаю я этого смутьяна. Гость он у меня редкий, Иван Михайлович. Коли заявился, давай послушаем, о чем баять станет.

Висковатый кивнул и снова вернулся к документу, губами проговаривая каждое написанное там слово.

– Ведомо мне, Иоанн Васильевич, – вырвался наконец на свободное место Зверев, запахнул шубу и поправил шапку. – Ведомо мне, государь, что нарушают кавалеры ливонские свои клятвы пред троном русским. За это они должны заплатить штраф и вернуть долг за сорок девять лет!

– Какой долг? – встрепенулся ливонец. – Мне о том ничего не ведомо!

– Доброго тебе дня, князь Андрей Васильевич, – склонил набок голову Иоанн.

– Здрав будь, государь. Как жизнь?

– Милостью Божьей, до сего часа не беспокоился.

– Ты как с государем разговариваешь, боярин?! – опять оторвался от грамоты дьяк Висковатый. – Нечто ты пьян, несчастный?

– Оставь его, Иван Михайлович, – чуть приподнял палец царь. – Я сего князя знаю. Дерзок он и неуживчив, однако же о государстве нашем печется искренне и советы зачастую дает зело мудрые. Ныне утром я о ниспослании милости Господа нашего молил, – осенил себя знаменем правитель. – Вот уж не ожидал, что такой ответ от него получу.

Речь его была размеренной и спокойной. Казалось, он возвышался над окружающими и над всем миром, словно мамонт, бредущий через кустарник. Там, около ног, меж ветвей и листьев могло твориться все что угодно – хоть мировая война между мухами и комарами. Это сеем не означало, что у мамонта должен участиться пульс или сбиться дыхание.

– Ливонцы уже сорок девять лет забывают платить тебе положенную дань, государь, – повторил Зверев. – Может, Бог решил наградить тебя серебром?

– Навет сие страшный, великий царь, – забеспокоился комтур и подошел ближе. – Не было сего условия в прежнем уложении, и до того даней орден от века русским не платил!

– А это что? – опять покрутил в пальцах свиток Андрей.

– Дозволь глянуть, боярин, – наконец заинтересовался документом Висковатый.

– Князь! – тут же сурово поправил его Зверев. – Князь Сакульский по праву владения.

– Василия Лисьи́на сын? – приподнял брови дьяк. – Как же, знаю, знаю. – И он довольно бесцеремонно выдернул копию у Андрея из рук.

– Как супруга твоя себя чувствует, княже, как дети растут? – ласково поинтересовался правитель.

– Спасибо, здоровы, – кивнул Зверев. – Старшей почти шесть, младшей два исполнилось. Летом мальчик родится.

– Все мы мальчиков ждем, – не поднимая глаз, заметил Висковатый. – А рождаются больше девчонки.

– Я не жду, боярин, я знаю, – так же небрежно, не поворачивая головы, ответил Зверев.

– Я должен свериться с грамотами приказа, государь, – свернул грамоту в трубочку дьяк.

Иоанн молча поднял руку, повернул ладонью кверху. Висковатый что-то тихо буркнул, но свиток на нее положил. Царь пробежал документ глазами столь же небрежно, сколь и предыдущие, усмехнулся и протянул послу. Дьяк шумно втянул носом воздух, зрачки Готарда Кетлера запрыгали по строчкам.

– Этого не может быть! Мне неведом сей договор и его обязательство, – в полной растерянности пробормотал ливонец. – Я должен... Я должен снести́сь с магистром, проверить архив.

– Вот видишь, Иван Михайлович, – пригладил бороду правитель. – Одним своим появлением сей князь расстроил подписание перемирия. Однако же и глаза мне открыл, – голос Иоанна окреп. – Негоже людям, христианами себя нарекающим, от клятвы своей отказываться и долга пред господином своим не исполнять!

– Видит Бог, великий царь, – низко поклонившись, комтур развел руки, – великий магистр не имел мысли оскорблять или обманывать тебя. В прежние годы не случалось обычая платить дань Руси за ливонские земли.

– И потому накопилась недоимка почти за полвека серебром! – Иоанн даже хлопнул ладонями по подлокотникам кресла.

– Я клянусь немедля по возвращению в Цесин[8 - Цесин – замок неподалеку от Риги, резиденция магистра Ливонского ордена.] сверить записи и поднять все прежние договора... – продолжил оправдываться посол.

– Один год, кавалер! – перебил его царь. – Магистру Вильгельму Фюрстенбергу хватит одного года, чтобы найти в архивах договор моего деда и собрать положенные недоимки? Через год, в сей день и час жду тебя здесь с данью для продления договора о перемирии. Клятву, данную на святом кресте, кровью Господа нашего, Иисуса Христа окропленном, нарушать никому не дозволено!

Посол на миг замер, но возражать не стал, рывком сорвал шляпу, изобразил некий странный пируэт:

– Я немедля отъезжаю в Ригу, великий царь. Могу поклясться, что при новой встрече я с легкостью отвечу на любые твои вопросы... – Готард Кетлер попятился к двери, ловко проскользнув между сопровождавшими его личностями, и исчез снаружи. Бюргеры в балахонах поклонились без всякого изящества, развернулись и, столкнувшись плечами, вышли следом.

– А ведь дань привезти он так и не пообещал, – тут же отметил Иоанн.

– Нельзя раздавать угрозы, которые не можешь выполнить, – тихо выразил недовольство Висковатый.

– Грамота подлинна? – резко повернулся к нему молодой царь.

– Это копия, – уточнил дьяк. – Надобно свериться в старых хранилищах. Но, мыслю, такой уговор при Иоанне Васильевиче заключался. Крепко тогда ордынцам досталось, они на все соглашались, лишь бы мир себе получить.

– А коли так! – повысил голос Иоанн, но тут же осекся, поднялся с кресла, поклонился: – Благодарю за службу, друга. Андрей Васильевич, за мной...

Он быстрым шагом достиг двери, нырнул в нее и замедлил шаг, оглянувшись на спешащего позади дьяка:

– Чем недоволен ты, Иван Михайлович? Коли верными грамоты окажутся, там чуть не сорок тысяч рублей в казну добавится. Рази лишнее сие? Впредь новый повод будет ливонцев на переговорах любых давить. Чуть что не так, сразу про дань напоминать станем. Коли смирно себя поведут – можем и забыть на время.

– А ну, не заплатят, государь, что тогда? – решительно возразил Висковатый. – По грамоте сей орден древнюю клятву подтверждает и подданство свое. Коли дань платить откажутся – позор на тебя ляжет, Иоанн Васильевич! Получится, смерды твои взбунтовались, господина не признают. Как ты их накажешь, государь? Чем? Руки-то связаны! Нельзя, Иоанн Васильевич, никак нельзя требовать того, чего не сможешь получить, и раздавать угрозы, которые не сможешь исполнить! Ведь придет час за каждое слово ответить. И что тогда? Позор! Тебе позор, мне, всему царству русскому!

– А чего не исполнить? – пожал плечами Зверев. – Орден ныне на полудохлого бобра похож. Только пни хорошенько – и свежевать можно. Дай мне стрельцов, государь, которыми я под Казанью командовал, – через полгода этот комтур и их магистр станут служить при тебе клоунами.

– Терпеть не могу, когда мальчишки бестолковые в делагосударевы лезут, – негромко высказался Висковатый. – Дров завсегда наломают, а мне разбирать. Каждый юнец воображает, что хлопоты вековые способен разом разрешить.

– Ты как с князем разговариваешь, мурло безродное?! – Андрей цапанул пальцами воздух в том месте у пояса, где должна была висеть сабля. – Тебя вежливости давно не учили?!

– Кто тебя звал с головой дубовой в тонкое ремесло? – перехватил посох посередине дьяк и попытался замахнуться – да потолок не позволил. – Сидел бы себе в лесу, да пиво сосал. Блохи, что ли, в берлоге завелись?

– Я тебе сейчас самому блох напущу, – пообещал Зверев, оглядываясь в поисках оружия. – Я таких уже штук триста к праотцам на уроки отправил.

– А ну, охолонь! – негромко, но жестко приказал Иоанн. В его голосе прозвучала такая уверенность в праве повелевать, что подчинился даже Зверев, сам уже давно свыкшийся с княжеским титулом. – Ты, Иван Михайлович, немедля в Москву скачи. Проверь грамоту, сочти недоимку, размысли, как истребовать можно. Лишний нажим на орден завсегда полезен. Припугнуть их не помешает. Раз перемирие не продлили, можем и войну начать. Пусть боятся. Коли не заплатят, так хоть отговариваться станут, просить, отсрочивать. Под эту дань от них лишнюю уступку можно получить. В переговорах позора нет. Это ты, Иван Михайлович, перегнул. Коли признают дань, это уже неплохим подспорьем будет.

– Чего там отсрочивать, государь? – опять вмешался Зверев. – Нам что, лишние земли и города на Руси не пригодятся? Дай мне хоть пару тысяч детей боярских, и я принесу тебе на блюде всю Прибалтику вместе с данью и Ливонским орденом!

– А ты, Андрей Васильевич, – ткнул пальцем ему в нос правитель всея Руси, – ступай пока на улицу. Не все в мире так просто, ако мнится неопытному оку.

Спорить с царем Зверев все же не рискнул, прошел по узкому проходу дальше, толкнул дощатую створку и оказался на улице за стеной, позади галереи. Из чистого сугроба у стены зачерпнул снега, отер лицо, руки.

– Вот ведь зараза этот Висковатый. В дьяки выбился, теперь умника из себя строит. Ребра бы ему пересчитать для прочистки мозгов...

Андрей опять скребнул себя пальцами по боку, вздохнул. Без сабли было непривычно и больно. Такое ощущение, будто что-то тянуло в левом боку и покалывало в правом. Хотя, конечно, убивать боярина за оскорбление не следовало. Не принято на Руси служилым людям друг друга, словно в дикой Европе, резать. Слишком много врагов вокруг, чтобы еще и самим себя истреблять, нехристям на потеху.

Хлопнула дверца, на мороз вышел Иоанн, перекрестился на шпиль колокольни слева за галереей, поклонился, коротко бросил:

– За мной ступай, – и двинулся к знакомому Андрею по прошлым приездам трехэтажному особняку, у крыльца которого прогуливались монахи с саблями и

бердышами.

– Ты что, государь, решил монастырь тут устроить? – поинтересовался Зверев, нагнав правителя.

– Монастырь? – оглянулся на него Иоанн. – Монастырь для тех, кто душой чист. Рази есть такие среди нас? Все мы грешны и в суете погрязли. Кто из нас такой чести достоин?

– А зачем тогда все это? – развел руками Андрей. – Рясы, клобуки, кресты, молебны?

– Потому что в служении мы все, Андрей Васильевич! – развернувшись навстречу, с неожиданной страстностью ответил молодой царь. – Служение нам определено свыше и отречение!

– Отречение от чего? – понизив тон, осторожно уточнил Зверев.

– От мира. От грехов смертных. От гордыни. От стяжательства. От блуда, от винопития.

– Прости, государь... – кашлянув, сложил ладони на груди Андрей. – Но коли в стране не будет наследника престола, в ней начнется смута.

– Я знаю, – кивнул Иоанн. – Сие есть мой крест. К счастью, Господь смилостивился над тяготами моими и дал в супруги ангела, само созерцание коего рождает в душе молитву, а прикосновение дарит радость, сравнимую лишь с таинством причастия.

– Царица Анастасия? – ошарашили Андрея такие сравнения.

– Кто же еще?

– Ну, – замялся Зверев, – меня Господь наградил княгиней Полиной, о которой я могу сказать то же самое.

Государь улыбнулся – на этот раз тепло, по-человечески, – и снова заторопился вперед:

– Пойдем.

Над входом в дом опять же висела новенькая икона. Государь осенил себя знамением, поклонился. Андрей последовал его примеру, едва не опозорившись – вспомнил о шапке и скинул ее только в последний момент, уже поднеся персты ко лбу. Знакомой, ничуть не изменившейся лестницей, они поднялись в светелку под самой крышей. Государь распахнул плотно забитый грамотами шкаф иноземной работы, на второй сверху полке взял свиток, протянул гостю:

– Читай...

Зверев, опять забывшись, вопреки обычаям скинул на сундук под окном тяжелую шубу, повернулся к свету, развернул грамоту:

«Приговор царской о кормлениях и о службе. Лета семь тысяч шестьдесят четвертое приговорил царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси з братиею и з боляры о кормлениях и о службе всем людем, как им вперед служити. А по се время бояре и князи и дети боярские сидели по кормлением по городом и по волостем, для росправы людем и всякого устроена землям и собе от служеб для покою и прекормления; на которых городех и волостех были в кои лета наместники и волостели, и тем городом и волостем розсправу и устрой делали и от всякого их лиха обращали на благое, а сами были доволны оброки своими и пошлинами указными, что им государь уложил.

И вниде в слух благочестивому царю, что многие грады и волости пусты учинили наместники и волостели, изо многих лет презрев страх божий и государьские уставы, и много злокозненных дел на них учиниша; не быша им пастыри и учителя, но сътворишася им гонители и разорители. Также тех градов и волостей мужичья многие коварства содеяша и убийства их людем: и как едут с кормлений, и мужики многими иски отъискивают; и много в том кровопролития и осквернения душам содеяша, их же не подобает в христианском законе не слышати; и многие наместники и волостели и старого своего стажения избыша, животов и вотчин...»

Это был царский указ о революции. Не больше и не меньше. Иоанн с безмерной храбростью отменял назначение воевод на места сверху, царским указом – и приказывал избирать их в уездах из достойных доверия людей. Причем выбирать «губернатора» могли не только бояре, но и простой люд. Царь запрещал своим слугам кормиться за счет местных доходов и назначал им жалование. В обмен вводился четко оговоренный налог «для зарплат». Причем платился он не местным начальникам, а в казну. Теперь взятки больше не были законным доходом воеводы. Теперь за них полагалась тюрьма и батоги. Иоанн IV Васильевич дарил стране то, ради чего по всей Европе скоро будут один за другим вспыхивать кровавые бунты.

«Надо же, – покачал головой Андрей. – Сперва он придумал созывать Земские соборы, дабы мнение народа из первых рук узнавать и совета в важнейших делах спрашивать. Теперь дарит людям власть в родных деревнях и городах. С того момента, как этот указ увидит свет, воеводы больше не будут на местах неким подобием всесильного Господа Бота, отвечающим за деяния свои лишь перед высшими силами. Выборный начальник будет вынужден отвечать за поступки перед теми, кто его выбирал. А ведь немалое число бояр, а то и князей прямо давали мзду подьячим поместного приказа, чтобы сесть на кормление без очереди, чтобы получить себе уезд побогаче. Теперь, получается, облом сразу всем? И подьячим в приказах, и боярам, что на воеводстве дела свои хозяйственные успешно поправляли?»

Правда, для служилых людей в указе имелась своя «конфетка», что должна была утешить их после случившейся напасти. Государь обещал не только доплачивать из казны за службу. Он брал на себя бремя одарить землю всех бояр, что станут честно выходить в ратные походы. То есть, каждый новик, взявший в руки рогатину и явившийся на смотр в доспехе и с луком – тут же получал себе во владение какую-то деревеньку. В том случае, разумеется, если он приходил сверх обязательного по разрядным листам ополчения. Интересно, где Иоанн собирался набрать для служилого люда столько пахоты и деревень?

– Пара вопросов у меня осталась, – дочитав до конца, свернул грамоту Андрей. – Коли люди голосовать не захотят... Ну, махнут рукой, да не соберутся – что тогда делать? Плетями сгонять?

– Коли довольны всем, так пусть у них на кормлении воевода и остается, – пожал плечами царь. – Либо кормление, либо налог на сии нужды. Пусть сами умом пораскинут, силой свободу насаждать не стану.

– Отлично, – кивнул Зверев. – Это мудро. Но вот что делать, коли в волости люди от воеводы и кормления отказываться не захотят, а пара жуков хитрых соберутся, собранием земским себя назовут, да один другого и выберет? Что тогда? Простым обманом до воеводства такой ухарь добраться сможет, что весь уезд горячими слезами заплачет.

– Да... – после короткого размышления согласился правитель. – Это я упустил. Не зря, видно, Господь тобою на молитву мою ответил. Злобен ты, Андрей Васильевич, но умен. Надобно поправить.

– Не нужно. Хватит обычного ограничения по числу собрания. Коли больше половины бояр и селян соберется, значит им властью и быть. Если меньше – значит, большинство довольно и менять что-либо ни к чему. – Андрей подошел к шкафу, сам вернул указ на полку. – Вижу, начисто грамота переписана, с датой и подписью. Давно готова? Отчего до сих пор не объявлена?

– Боязно, князь, – зябко передернул плечами Иоанн. – Обычай вековой рушу, по коему земля русская испокон веков жила. Как оно обернется? Кабы знать...

– Нормально обернется, государь. Вспомни, беда какая с судами воеводскими десять лет назад творилась? А как целовальников из народа избирать стали, дабы за честностью воеводской следили, жалобы все и пропали. Так и здесь будет. Коли сами честного человека выбрали и над собой определили, с самих и спрос, на твою волю кивать не получится.

– Вот и я о том помышлял, когда сие задумывал, – признал Иоанн. – Не найти ныне среди служилого люда честных людей во всей земле, обделил меня ими Господь. Пусть народ сам таких среди себя ищет.

– Как же нет? – обиделся князь Сакульский. – Да я сам сколь хочешь назову. Да, чего ходить далеко, сам я хоть раз тебя обманывал?

– Не в обмане дело, Андрей Васильевич. В душе дело и в совести, – перекрестился Иоанн. – Слуги верные мне нужны, Господу и земле русской преданные. Из вас же, бояре, каждый не о деле государевом, а о своем прибитке во первую статью думает.

– Так из нас народ русский и складывается. Из каждого по одному, государь. Что нам хорошо, то и земле русской во благо.

– Не так мыслишь, Андрей Васильевич, не так! – неожиданно сжал кулак Иоанн и вскинул его к плечу. Потом так же резко руку опустил, подошел к окну, толкнул переливчатые от слюды створки, жадно вдохнул свежий воздух. Оперся на подоконник, глядя в даль. Продолжил, обращаясь куда-то к низким облакам: – Я ведь перед кончиной постриг принял, Андрей Васильевич. Соборовался, причастился, очистился для встречи со Всевышним. Я ведь умер тогда, княже, до небесных врат почти добрался.

Зверев понял, что правитель вспоминает свою болезнь, случившуюся после победы над Казанью. Те самые тяжкие дни, когда все вокруг уже считали его покойником и делили над остывающим телом наследство.

– Но грехи меня в царствие небесное не пустили, Не мои грехи, Андрей Васильевич, – ваши! Злоба и корысть, вражда и предательство поднялись мутным потоком, дабы затопить землю русскую, истребить ее под корень. Тогда, токмо тогда и понял я, княже, в чем долг мой пред Господом и родом своим. Поставлен я судьбой на стол великой страны, последнего приюта христианского. Два Рима рухнули под напором сил бесовских. Москва третьим Римом осталась, и четвертому не бывать! Мы на избранной земле живем, и сохранить ее должны, ако свет единственный для мира людского! Не она нам – мы ей всеми силами служить должны. Служить, себя самих отринув, помыслы иные и желания. Служение, токмо служение – вот крест, мне на плечи возложенный и всему корню русскому определенный. Служение Господу нашему, Иисусу Христу и земле нашей, из всех прочих для истинной веры избранной!

К Андрею потихоньку начало приходить понимание. Царь Иоанн и так с детства отличался излишней набожностью. А тут его по обычаю еще и в монахи постригли, когда болезнь неизлечимой сочли. Порчу Зверев с правителя снял, здоровье возвратил – но вот превратить государя в расстригу не в силах никто. Вот и получился он всесильный иноком во миру, игуменом целой страны. По закону – монах. По долгу службы – муж, воевода, светский деятель. Ни от чего не откажешься: ни от пострига, ни от супружеской постели, ни от меча, ни от пера. Ведь рождение наследника – такая же обязанность для правителя, как и война с захватчиками и издание мудрых законов. Лихо же судьба над ним повеселилась!

– Так вот почему Александровская слобода в монастырь ныне превратилась, – подошел ближе князь Сакульский. – И как тебе смиренные монахи с саблями на боку смотрятся? Не дико?

– Смиренные монахи Пересвет Александр и Ослябля Родион во имя земли русской меч обнажили и тем славу вечную для себя заслужили. Отчего же моим боярам избранным ты в том же праве отказываешь?[9 - История показывает, что смирение является не самым главным качеством православного монаха. Отвага иноков монастырей Соловецкого, Богоявленского, Троицкого, Далматовского, Кирилло-Белозерского, Спасо-Преображенского, Тихвинского, Пскове-Печерского в деле борьбы с незваными пришельцами стала примером ратного мастерства и решительности для всей России и стоила интервентам всех мастей многих тысяч жизней.]

– Монахами, стало быть, править желаешь? Чем же тебя наша служба не устраивает? Разве не наши сабли принесли тебе победу в Казани, в Астрахани, под Тулой у Судьбищ? Разве не приходят бояре по первому твоему зову? Разве не кладут они жизни свои на рубежах нашей Отчизны?

– Ты не все знаешь, Андрей Васильевич, – усмехнулся Иоанн. Усмехнулся холодно, с оттенком презрительности. – Ко мне в подданство попросились князья кабардинский и грузинский, ногайский хан. Хивинский и бухарский эмиры союзные договора заключить просят, сибирский хан Едигей саблю на верность мне поцеловал и тридцать тысяч нукеров заставил клятву дать. Ныне все они также мои подданные с землями своими. Вот, смотри...

Он вернулся к шкафу, достал свиток снизу, развернул, положил на сундук, прижав верхний край чернильницей, а нижний – ножом из висящего на стене пояса.

– Вот, это земли прежние. Княжество Московское и вольница Новгородская. А вот здесь, здесь и здесь отныне наша рука владыка. Здесь казаки донские острог поставили, милости просят, чтобы торг им в порубежье разрешили. Это Хива и Бухара. Отсюда и далее на восток пред нами никто враждебный не стоит. Неведомо мне плохого о тех землях. Коли так, то и бояться нечего.

– Вот это да, – покачал головой Зверев. – Так ведь это уже не Русь, это Россия образовалась. От Кавказа и до Ледовитого океана...

Однако карта выглядела несколько странной, непривычной. На ней чего-то не хватало. Почесав лоб, Андрей выдернул из чернильницы перо и аккуратно провел от Каспийского моря вверх и вправо пологую дугу, позади черных камней завернув ее вверх.

- Что это? - не понял Иоанн.

- Река такая там течет, длинная и полноводная. Называется: У-рал... - Он макнул перо и, чуть высунув от старательности язык, надписал эту линию.

- А почему купцы ее не указали?

- Степь там, государь. Южнее и вовсе пустыня. Кто же через нее в Бухару пешком пойдет? Плынут по Волге и через море, а там, от берега, вдоль гор по Великому шелковому пути в цивилизованные страны и едут. Поэтому Урал никто не пересекает, и по нему не плывет... Я так думаю.

- Но ты откуда о сей тайне ведаешь?

- Да так, - пожал плечами Зверев. - Случайно услышал.

- Зело странен ты, княже, - опасно перекрестился правитель. - Умен на диво, храбр и честен. Род твой на пять колен в родословных вписан. Но все же есть в тебе нечто... Нечеловеческое.

- Ерунда, - небрежно отмахнулся Андрей. - Болел в детстве много, со скуки книжки читал, карты, справочники по географии... То есть, авторов античных. Плутарха, Платона, Аристотеля. Ну, и про путешествия тоже. Вот кое-что и запомнилось. Ты сюда посмотри, Иоанн. Вот это княжество ты от деда и отца на поруки принял. А вот таким оно сейчас стало. Почитай, в десять раз размерами выросло. Кто же, ответь, кровь свою проливал, чтобы этого добиться? Кто из седла не вылезал, кто сабли свои в сечах иступил? Мы, служилый люд, бояре русские. Что же ты ныне от нас отрекаешься, чем ты недоволен?

- Я верил вам, Андрей Васильевич! Верил, поместья и чины дарил, серебра из казны не жалел. Все давал: живите без кручины, служите верно, об Отчизне и деле заботьтесь. Что же увидел я, князь? Вотчины новые и поместья разобрав,

разбежались слуги мои. Про дела государевы позабыли, на смотры не являетесь. Только и мыслей, что себе построить, что прикупить, чем еще обогатиться. Во что одеться, как богатство напоказ выставить, – царский перст обвиняюще уперся в шитую золотом и украшенную самоцветами ферязь Андрея. – Люди ваши ратные не рубежи оберегают, в охотах и пирах вас веселят. Князя, что шляхта безбожная, друг другу обиды чинят, смердов у соседей угоняют, в тяжбах погрязли. Рази сего от вас долг боярский требует? Где честь ваша, где ваш долг служения земле отчей, земле православной?!

– Человек слаб, государь, – усмехнулся Зверев. – Сегодня воевал, так завтра ему и расслабиться не грех.

– Коли Господь тебя русским боярином создал, не вправе ты о долге своем забывать! – отрезал Иоанн. – Долг человека русского – служение! Служение Богу и Родине своей! Князя же наши, что собаки никчемные. То в верности клянутся, то детей боярских от них не дозваться. Шведы три года тому на Орешек напали – хоть кого из ополчения созвать удалось? Спасибо, купцы новгородские за торговлю свою испугались, побили всех судовой ратью, да селения чужие пограбили для острастки. Где в тот год бояре твои сидели?! За посевную испугались? Не будет впредь такого! За то тебе голову своей ручаюсь! Не должно судьбам государства нашего от прихотей княжеских зависеть! Люд служилый лишь меня, помазанника Божьего, должен слышать, по моему призыву приходите, от меня и от Господа милостей ждать.

«Оп-паньки! – внезапно осенило Андрея. – А ведь указ про отмену кормлений – он ведь с изрядным двойным дном!»

Подачка царя, изволившего пообещать боярским детям поместья из казны, теперь выглядела совсем иначе. Если он давал землю – он и на службу призывал. Без всяких промежуточных звеньев. Сегодня князь Сакульский, приходя в ополчение, приводил с собой полсотни холопов. Если реформа завершится успехом – царь сможет призывать холопов помимо его воли. И кем тогда останется князь Андрей Васильевич Сакульский? А никем, одним пустым титулом. Второй, по логике, шаг – это забрать у Сакульского землю и отдать тем самым холопам, чтобы кормились. Вот и все. Государству хорошо: оно получит надежную призывную армию, собираемую по первому приказу. Только вот князя после такой реформы все по миру пойдут.

Ладно Андрей – его поместье небольшое, детей боярских он на землю не посадил, в любой момент может от службы отказаться и тягло по общему обычаю платить. Но ведь есть еще князья Стародубовы, Шуйские, Вельские, Мстиславские, Воротынские, Одоевские. У каждого – огромные поместья, многие сотни детей боярских, тысячи холопов. Они приводили по призыву целые армии и теми же армиями могли отстоять свои владения. Разве все они от своей силы, власти, богатства так просто откажутся? Ни за что!

– Тебя убьют, государь, – покачав головой, предсказал Андрей. – Даже мне не спасти тебя от такого числа врагов.

– Не смогут, княже, теперь уже не смогут, – змеиной бесчувственной улыбкой растянулись губы Иоанна. – Помнишь, ты перед походом на Казань присоветовал мне полки стрелецкие из простого люда составить? Сам их опосля огненному бою учил, помнишь? Таковых у меня ныне в разных крепостях и на порубежье не меньше ста пятидесяти сотен службу несут. А вот этих бояр ты видишь? – Иоанн за руку подтянул Андрея к окну, указал вниз, на опоясанных саблями монахов: – Они служение приняли. Они от мира и суеты отреклись. На них отныне земля русская держаться будет! Не нужна мне гниль княжеская, в грехе и корысти погрязшая, чревоугодием и блудом живущая, самовольная и презренная. На кость черную, из самой земли на свет вышедшую, я отныне обопрюсь. На бояр малоземельных, на стрельцов, на смердов и ремесленников, на Церковь святую и слово Господне. На тех, кто служить вере и государю готов, не о корысти думая, а лишь о долге своем. Кто сам плоть от плоти земли русской и без нее себя живым не ощущает.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

На Руси горноста́й считался «крестьянским мехом»: ворс имеет короткий и малопушистый, в носке он не прочен, быстро желтеет – причем бороться с этой неприятностью модницы не научились до сих пор. В общем – дешевка.

2

Режица – ныне город Резекне.

3

Владимерец – ныне город Валмиера, Ругодив – Нарва, Кольвань – Таллин.

4

Виндава – ныне город Венспилс.

5

Основатель рода князей Друцких, князь Полоцкий Рогволод-Борис Всеславич, это пятое колено князя Полоцкого Изяслава Владимировича, который сам – пятое колено от Рюрика. Обособленная ветвь рода, в XII–XV активно роднилась с Гедиминовичами.

6

Бараш – человек, который отвечает на выездах за установку царских шатров.

7

Имеется в виду, разумеется, Посольский приказ, руководителем которого боярин Висковатый и был полных 20 лет, с 1549 года. Помимо отлучения от церкви на три года Висковатый знаменит тем, что стал создателем и первым руководителем Царского (государственного) архива. Дата рождения и происхождение сего умнейшего и образованного боярина науке неизвестны, зато известно, что он был другом небезызвестного читателю Ивана Кошкина.

8

Цесин – замок неподалеку от Риги, резиденция магистра Ливонского ордена.

9

История показывает, что смирение является не самым главным качеством православного монаха. Отвага иноков монастырей Соловецкого, Богоявленского, Троицкого, Далматовского, Кирилло-Белозерского, Спасо-Преображенского, Тихвинского, Пскове-Печерского в деле борьбы с незваными пришельцами стала примером ратного мастерства и решительности для всей России и стоила интервентам всех мастей многих тысяч жизней.

Купить: https://tellnovel.com/ru/prozorov_aleksandr/zagovorschik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)